

Василий Пригодич

**НАЧАЛЬНИК
ТИШИНЫ**

Здесь будет картинка,
которую подготовит
художник-оформитель
Маша Волохонская

ПОЭЗИЯ.РУ
Москва
2004

Василий Пригодич

Моей жене, Дженевре...

Авторская орфография
является значащей частью произведений

Гречишкин С. С.
НАЧАЛЬНИК ТИШИНЫ: Стихи.— ПОЭЗИЯ.РУ. Москва, 2004.—144 с.

«Моего прадеда звали Сергей Васильевич, деда — Василий Сергеевич, отца — Сергей Васильевич. Я должен был стать Василием, но не сложилось...

Пригодич — родовая фамилия моей матушки.

Вот так и появился псевдоним **ВАСИЛИЙ ПРИГОДИЧ**, под которым я публикую стихи, а также статьи о новинках современной литературы».

НАЧАЛЬНИК ТИШИНЫ

Здесь будет картинка,
которую подготовит
художник-оформитель
Маша Волохонская

ISBN

© Гречишкин С. С., тексты и составление, 2004 г.

*В нем росли и переливались
Волны внутренней правоты.*

Осип Мандельштам

*...ему осточертело безделье,
осточертели праздники цветов и ребяческие процессии,
осточертело важничанье с магией
и привычка смешивать поэзию и жизнь.*

Герман Гессе

Я ратник твой, я твой посланник, я Войска Певчего солдат.

*Что поделать мне с барской, гусарской, бунтарской
Русской речью моей?*

Алексей Ивантер

Письмо **Юрия Нагибина**
к Василию Пригодичу (С. С. Гречишкину)
[январь 1991 г.]

Дорогой Сергей Сергеевич!

Спасибо за книгу. Прочел в один присест. Впечатление сильнейшее. Я даже как-то обалдел. Не стоило бы, наверное, писать сейчас, стоило бы отойти, чтобы членораздельнее высказаться, но я уезжаю завтра в санаторий и не верю, что из санаториев письма доходят до адресатов,— было бы это не по-советски, поэтому решил сразу написать. Жестокая у Вас Муза, но какая смелость души —наверное, только так и надо сейчас писать стихи. От авангардной гладкописи тошнит. А ведь у Вас и любовь настоящая и о смерти друга —высоко. И хорошо, что столько крови, гноя, гнили — это наша истинная жизнь.

Дай Бог Вам здоровья, бодрости и сил так бесстрашно делать свое поэтическое дело.

Искренне Ваш Юрий Нагибин

Письмо **Михаила Гаспарова**
к Василию Пригодичу (С. С. Гречишкину)

Дорогой и высокоуважаемый Сергей Сергеевич, бесконечно Вам спасибо за книгу — этот концентрат русской поэзии. Вместе со всеми Вашими читателями я радовался Вашим словам и строкам; и, наверное, больше многих читателей — Вашим ритмам и рифмам: на таком пире силлаботоники я не был очень давно. Век буду помнить.

Простите меня за поздний ответ: я только в Новый Год вернулся из командировки.

Весь Ваш М. Г. 25 января 2002 г.

* * *

Я мнил: на жизненном застолье —
Талант — как скатерть-самобранка.
Итог: в удушливом подполье
Меняю жизнь на перебранку.

Казалось: бесов покорив,— мы
Достигнем Царствия Господня...
Растрата. Стершиеся рифмы
Остались в кошельке сегодня.

Проворовались. Просвистали
До оглушительной болятки...
Тела и души — не из стали.
Мне нужно складывать манатки.

Я ухожу к Фата-Моргане,
Я вырываюсь из плененья...
Я поиграю на органе
Божественного песнопенья.

Душа бессмертна. Дар мой тоже —
Не пузырьёк в вине искристом.
Возьми меня, угрюмый Боже,
В ансамбль поденщиком-хористом.

Спою Тебе стихом Давида,
Как кенар в золочёной клетке,
Про приключенья индивида
На этой маленькой планетке.

15 марта 1982 г.

АЛЕКСЕЮ ИВАНТЕРУ

«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...»
(К. Симонов)

Ты помнишь, Алёша, дороги советские
Растёртые в пух и разбитые в прах...
Ребячьи забавы. Раздумья недетские.
И липкий, как мёд, надсознательный страх.

Квартира отдельная, словно моленная,
Что было столь редко, ну, просто, как встарь.
И бабка: красивая, глупая, дельная,
Чью руку не раз целовал Государь.

Семья как семья у врача и полковника.
Отец — папуас и учтивая мать.
Батяня безбожник, мать с бабкой «церковники»:
Алмазная ось: ни разбить, ни сломать.

По праздникам гости. Турусы. Излишества.
По будням надышанный спёртый покой.
И рано я понял на льдине мальчишества
Всю пошлость и мерзость системы такой.

Приятственно пениться в ванне «комфортика»,
Болтать по-немецки, книжонки листать.
Счастливое детство: курорты и тортики
С глухим осознаньем, что вор я и тать.

Бабуля любила «пожарить» оладушки.
На вилку насадишь мгновенье и пшик...
Тут Сталин копытца откинул и ладушки.
Сказали про Берию — гад, мол, и шпик.

Как дождь средь зимы, нанесло «потепление».
Никита Сергеич хвостом завилал...
А я уж стихками дразнил самомнение,
Без меры курил и портвейн «потреблял».

Богемная молодость в годы «застойные».
Попито-погуляно всласть, хоть не счесть
Всех тех, кто не суетно и по-пристойному
Сумел охранить «незалежность» и честь.

И бегство с женою в домишко на Ладоге
В попытке понять Феофанов затвор...
И счастье: когда над тобою три радуги,
А длань холодит оружейный затвор.

Пришел Горбачёв. Понеслась «перестроечка».
Тут хвори загрызли, вернулся домой.
Совдепии нет, и здоровье на «троечку»,
Живи... Правда, мир сей немой и не мой.

Отец мой и матушка в горней обители
Ступают по тропкам в небесном овсе.
Зачем бунтовал против вас я, родители,
Ведь стал мещанином, как вы и как все...

По праздникам гости. Турусы. Излишества.
По будням надышанный спёртый покой.
И поздно я понял в пустыне мальчишества
Всю прелесть и сладость системы такой.

21 декабря 2002 г.

* * *

*Александрю Осипову,
Дмитрию Ющенко*

Моё ничтожество-высочество,
Усевшись гузном на диван,
Подумало, что дар пророчества
Не спрячешь — кукишем в карман.

Оно болезнью венерической
Разъест и душу, и костяк,
Поманит властью химерической
Ценой в горячку, в дым, в пустяк.

Оно сродни падучей с корчами —
Поэт, как Соломон, не лжив...
Вы что такие хари скорчили —
Се аксиома: Сталин жив

И будет жить... У бесов с магами
Непрекращающийся секс,
Что слаще войн и игр с бумагами.
Абракадабра. Бре-ке-кекс.

Люблю я Господа с лампасами.
Приму достойно смертный час.
Против убийства с прибабасами,
Бог ждёт нас, думая о нас...

...Люблю, жалея, человечество.
Глоताю правды мумиё.
Моё единое отечество —
Поэзия... Я враг её.

26 июля 1997 г.

* * *

Снегирь, клюющий ягоды с куста,—
Я — красногрудый воин Параклета —
Печалюсь, что жизнь моя пуста,
Безвидна — инфузория из Леты.

Жена бездвижна. Всё не так, никак.
Мать помирает. Худо всё до рвоты.
Державин — фанфаронистый мудака —
Его бы к Пахану в штрафные роты.

Жизнь званская. От пуза жри да пей...
Жизнь самозванская оплачена в рассрочку.
Ямбической поэзии репей
Не вырвать с мясом — прорастает в строчку.

Устал я с Богом воевать впотьмах.
Дыхалки нет, силёнки на пределе.
Дуркует бес, лупцует в зверский мах.
Стишок пишу — и будто я при деле.

Стихи — фуфло. Да не мои, а — все.
Нет смысла в сочинительстве сокрытом.
Я — василёк в налившемся овсе,
Раздавленный животного копытом.

Смешно, когда пузатый господин,
Уподобляясь птичке и цветочку,
Сказать боится: тяжело, я один,
Я помогу... Не надо ставить точку.

Не лomanушь. Спасение от бед
В пленительной осознанности чуда:
Всё есть, как есть. Советской власти нет.
А в арабесках — демонов причуды.

11 апреля 1997 г.

* * *

Сыну

Сочится водица в стропильный зазор.
Тоска... как монгольский дензнак.
«Искусство не доблесть, а грех и позор»,—
Гнусаво провыл Пастернак.

Пропел. Прорычал с содроганьем кишок;
Обломен провиденья вал:
Тех ждёт кошкодава блошистый мешок,
Кто ангелам в лад подпевал.

Препон для стихов — не петля, не наган:
За гробом рифмуется всласть...
Когда зазвонит звукоряд-ураган,
Скрипит Вседержителя власть.

Когда сочинитель словесный кульбит
В тетрадку срисует и рад,
Планеты слетают с предвечных орбит,
И сыпятся звезды, как град.

Лихая потеха Христа щекотать,
Шутейно валтузить Творца...
Ан бес стережёт, как прохожего тать,
И схватит, как кошка скворца.

Когда расклубится кармический шок,—
Добро обмарается злом,—
Рифмач ощутит: inferнальный мешок
Завязан плебейским узлом.

Безумия плаха — вселенский удел,
Кровавая кара за грех
Тому, кто расшибся, взлетев за предел,
Башку расколod, как орех.

Соблазн первородства, как муха, жужжит.
Тщеславье чадит и дымит.
Поэт — не библейский цветаевский жид,
А пакостник и содомит.

Подлец. Мастурбатор. Садист из скопцов,—
Вотще возопит к небесам...
И нет ему чаши на пире отцов,
И сын его выгонит к псам.

И хлебовом песьим утробу снабдив,—
На тысячу разных ладов
Поэт проскулит незапётый мотив
Насельников райских садов.

...Беснуется дождь. Осыпается куст.
Приладожской осени свист...
Я чую оси мироздания хруст,
И строфы ложатся на лист.

В избе захороненный заживо труп,—
Галактика — печь да крыльцо,—
Я слышу орган серафических труб
И Господа вижу в лицо.

19 сентября 1988 года

* * *

*О. Кушлиной,
В. Кривулину*

Коль едешь под горку, печальной
Становится жизненный крюк...
В усопшей Совдепии дальней
Отцвёл духоносный урюк.
Родное святое искусство
(Проплаченное ремесло)
Будило высокие чувства...
И нет его... В Лету снесло.
Духовность! Сисястые крали
Тугих комсомольских кровей...
Какую державу украли
У глупых её сыновей...
Суровые дяди в мундирах
Границы её стерегли,
Мочили кого-то в сортирах,
Ан млечные реки текли.
Поля колосились. В забоях
Пёр сам антрацит на-гора.
Блевали поэты в запоях
(В рассеянном свете утра).
Но всё ж отщепенцы-паскуды
С фрейдистской надеждой пропасть
Просили у Господа чуда,
Чтоб ухнула в пропасть та власть,
Что спать и дышать не давала
(Картины, стихи — под тесак).
Возмездие плана и вала:
Мы втюрились снова впросак.
Осмелюсь сказать (для проформы
На задние лапы присев):
Гебисты проводят реформы,
Как прежде «уборку» и «сев».
С трибун демократ-генералы

Торят инвестициям путь.
 Все — веруют, все — либералы...
 Дружок, партбилет не забудь
 Во храме и на аналое
 Водичей святой окропить...
 Честнее и проще былое.
 Порвалась сакральная нить
 Меж жертвой и катом, меж гадом
 И умной крылатой козой...
 Нам не привыкать к камнепадам.
 Опять за окном — мезозой.
 Скажу — сколь возможно банальней —
 Жизнь — фокус, иллюзия, трюк...
 В ожившей Совдепии дальней
 Цветет духоносный урюк.

7 июня 2000 г.

* * *

Вад. К.

В сердце током бьёт магнето
 С перебоями и без...
 В чёрных дебрях Интернета
 Заблудился мелкий бес.
 Лето. Ночи вовсе нету.
 Бестелесен Петербург.
 В белых дебрях Интернета
 Заблудился Демиург.
 Утро. Холодно. Светает.
 Щёлкнул «мышью» — и лети...
 Чу! Идёт война святая
 В переменчивой Сети...
 Тут и ангелы и черти
 В битвах пиками трясут...
 Во вселенской круговерти
 Узнаваем Страшный Суд.
 Здесь чернуха и порнуха...
 В рай и ад разверста дверь.
 Спи, художник. Божья «пруха» —
 «Всё позволено» теперь.
 Голосистых птичек мало —
 Много больше воронья.
 Всем шлея под хвост попала
 Хамства, спеси и вранья.
 Есть и нежные зверушки:
 Водят дружно хоровод...
 «Интернетские» игрушки
 Надломили небосвод,
 И оттуда лупит градом
 Сера с манной вперемеж...
 Августинианским «Градом»
 Мы натешились. Рубеж.
 Вряд ли мысль уничтожима:
 Всё кладет Господь в мешок.

И «грядущего режима»
 Сардонический смешок
 Достоевский слышит в бане
 С пауками и грязцой.
 Ницше спит на барабане,
 И мурлычет нечто Цой.

14 июня 2000 г.

* * *

Ей

Главу короля приподняв за хохол,
 Толпе представляет палач...
 Мы белое знамя упрячем в чехол,
 Уедем в Вандею. Не плачь.
 Нет братьев-шуанов, есть лиственный лес
 И пташек назойливый грай...
 Последний гвардеец — недужен, облез —
 Везёт тебя в сумрачный край,
 Где псы выедают утробы врагов
 Под алчные крики ворон
 В тумане, в котором не слышно шагов
 Людей, что бредут с похорон.
 На этом ли свете Вандея? На том?
 Докука. И надо ли знать?
 Косой гильотины — как травка, пластом —
 Подкошена глупая знать.
 Отличное равенство — те — без башки —
 Красавицы, умники — все:
 Титаны, пигмеи, плуты и божки
 Горят в известковой росе
 Во рвах и траншеях, что вместо могил
 Измышлил народ-гименей.
 Ты в небе ширял или небо коптил —
 Нет разницы в царстве теней.
 Холопскую наглость на барскую спесь
 Меняю, но мало монет.
 Лбом стенку пробив, всё обдумай и взвесь
 И молви надменное «нет».
 Покорное «нет» и надменное «да»...
 Конвент утвердил приговор.
 Как выжить? Всё прочее — гиль, ерунда.
 Бежим в двоимирный затвор.
 Никак не спасти королеву. Под нож
 Затащат, уложат, убьют.
 Расплата за барскую ласку и ложь,
 За барский уют и приют...

27 июня 2000 г.

ИММАНУИЛ КАНТ

И в жару, и в сочельник —
 Напряжён, нарочит —
 Кенигсбергский отшельник
 Всё бумаги строчит.

Перхоть сальных проплешин
 Осыпает камзол.
 Всё он пишет депеши:
 Затрапезен и зол.

Всё печет инвективы
 (Да какие — ого!),
 Алчет прерогативы
 Обкарнать у Того,

Кто бумаг не читает
 И не прячет в ларец,
 Всех жалеет, всё знает —
 Всякой твари Творец.

Протестантскому Богу
 (Вот педант — так педант)
 Неприятна эклога,
 Что спроворил И. Кант.

Тексты сверхъаккуратны
 И системны, как бред.
 Но чернильные пятна
 Прожигают паркет.

И гусиные перья,
 Очинённые впрок,
 Платят в банк лицемерья
 Непомерный оброк.

Просвещения запросы:
 Восемнадцатый век...
 Всё он пишет доносы
 На родных и коллег.

Заправляешь арапа:
 Всё смердишь, да когтишь. —
 Бог не любит нахрапа.
 Бог — смиренная тишь.

Сочинитель-поборник
 Инфернальных забав,
 Кенигсбергский затворник,
 Ты — не прав. Ты — не прав.

В мире столько игрушек
 (Я скажу без затей):
 Женщин, книжек, зверушек
 И хороших людей.

Дивны Божьи законы:
 В небе, в сердце и... здесь...
 Храм. Распятые. Иконы.
 Весть богаче, чем спесь.

21 июня 2002 г.

* * *

И. В. А.

Бессонница заплавливает веки
Струящимся дымящимся свинцом.
Я думаю всю ночь о человеке,
Который был жене моей отцом.

Проверенный помещик-сочинитель,
Удачливый болтун-лауреат,
Надеюсь, за грехи тебя Спаситель
Мизинцем не столкнул брезгливо в ад.

Парадное утратив родословье
По дурусти восторженных господ,
По разуму ты выбрал суесловье,
Подслащенное шелестом банкнот.

Продребезжал по чертовой дорожке
Папашкин генеральский экипаж...
В пустом кармане: пыль, табак и крошки,
Эгоцентризм, талант, либертинаж.

Маман-художница-наперсница-дуэнья,
Стареющая злобная Суок
Реки кровавой поперек теченья
Учила плыть. Ты выполнил урок.

На берег выполз. Хвост сушил и шкуру,
Ослабившись и жалобно урча.
Потом лизал покорно и понуро
Холодную десницу палача.

На лапы встал. И пёк на пишмашине
Горячие безвкусные блины,
В курящейся словесной мешанине
Ни дочери, не слыша, ни жены.

Пускал по ветру тысячи и сотни,
Любовниц предавал и одевал,
Пока не встретил б... из подворотни —
Навечно обретённый идеал.

Катилась жизнь коробкой киноленты:
Картины, серебро и баккара,
Фарфор, злословье, тряпки, алименты,
Аплодисменты, рябчики, икра.

Весёлая нарядная потеха
Цыганскою струной напряжена...
В действительности много было смеха,
Когда от рака умерла жена.

Взяв дочь на клык, как пинчер собачонку,
Забыв свой суперджентельменский лоск,
Ты выел ей невкусную печенку
И жадно выпил тепловатый мозг.

Разъеден, будто гриб червивый, хворью,
Навеянной загробным колдовством,
Раскрашен метастазной смертной корью,
Ты не расстался с тварным естеством.

Душа твоя ушла без покаянья.
Приехал я. Была глухая ночь.
Второй жены на публику рыдания
Я слышал... Молча убивалась дочь.

29 ноября 1979 г.

* * *

Максимилиану Волошину

Оставив планерским старухам
Постылый пляж и солнца жар,
Поднялся я единым духом
К тебе на гору Яни-шар.
Прости усердые остолопы,
Как да простит нас, грешных, Бог.
Погладил я твоё надгробье,
Как пса, лежащего у ног.
Потрогал грязною рукою
Могильной надписи штрихи,
Просил у Господа покоя
Тебе, потом читал стихи.
Под грозным солнцем полуденным
У предынфаркта на краю
Я на затылке пропыленном
Десницу чувствовал твою
И шёпот слышал... Впрочем меру
Я знал приличья и стыда...

Меня прервали пионеры,
За мной пришедшие сюда.
Зажав тетрадные страницы,
Я сладко думал, что умру.
Они играли здесь в «зарницу»,
В отнюдь не детскую игру.
Смущенье скрыл я неумело
И заметался, как дурак...
Они пришли сюда по делу:
Искать военный красный стяг.
Вокруг плиты образовали
Они прозрачное кольцо,
Тебя и слыхом не слышали,
Но наступали на лицо.

И кто-то громко крикнул: «Бросьте
Читать, кто под плитой зарыт,
Давайте-ка — разроем кости,—
Вожатый спрятал под гранит
Наш флаг...» Как вдруг в конце спектакля
В другом отряде стяг нашли:
Хоругвь с гербом плюс три пентакля,
И в лагерь все с горы ушли.

14 августа 1977 г.

* * *

Маргарите Топоровой

Петергофский парк-перформанс —
 «Не пустой для сердца звук».
 Пепел сигаретки «Rothmans»
 Падает на ноут-бук.

Сеет дождь колюче-мелкий
 Сито вязких облаков.
 По деревьям скачут белки.
 Жрут вороны червяков.

Всё на взгляд подобно раю:
 Бельведер и Красный пруд...
 Жаль, что люди помирают.
 Все когда-нибудь умрут.

В этой истине колхозной
 Нет ни стога, ни мольбы...
 «Пролетарский парк» бесхозный:
 В лебеде стоят дубы.

Кромка полкового луга.
 Где последний лейб-улан?
 Все ушли: цари, прислуга.
 Всех прибрал Господь в чулан.

Обывательская байка:
 «Здесь» — в гостях мы, «там» — наш дом —
 Справедлива. Жизнь, что пайка
 (Разновесная притом).

Кто ушёл в начале пьесы.
 Кто попал и на финал...
 Пляшут комары и бесы.
 Блещет рыбками канал.

Солнце светит. Небо чисто.
 Клич гремит: «На бой! На пир!»
 Жизнь — театр, а мы — артисты
 (Как пробормотал Шекспир).

Гаснут яркие монетки
 В кратерах фонтанных вод.
 Мы, увы,— марионетки.
 Бог — весёлый кукловод.

В этой истине колхозной
 Нет ни горя, ни беды.
 «Пролетарский парк» бесхозный
 Стынет в супе лебеды.

20 августа 2003 г.

* * *

Н. и Ю. Г.

Башка трещит, и я не в духе...
 Терапевтический приём:
 На плоскодонке-«надувнухе»
 Выходим в Ладогу втроём.

В иных державах не видали
 Ни Ангел Божий и ни бес
 Столь хамски первобытной дали
 Под шкурой выцветшей небес.

Побасенки и прибаутки
 Рыбачьи: звонкость матерка
 Не заглушат ни крики утки,
 Ни треск чужого катерка.

Не дам за мужика рубля, коль
 Он — переимчив, весел, горд,—
 Бросая в воду тяжкий якорь,
 Веревкою царапнет борт.

Пошла-поехала ловитва.
 Удилище уходит ввысь.
 С рыбёшкой битва... Как молитву
 Твержу: ловись и не сорвись.

Ушла хандра в недоуменье.
 Танцуя, тонет поплавок.
 О, судьбоносное уменье
 Не прозевать тебя, рывок.

Опять досадная осечка —
 В поклёвке, в жизни и в строке...
 Ташу. Удачная подсечка:
 И окунь прыгает в руке.

В отцовской бранной гимнастёрке
 Сижу, счастливый раб уды.
 Плотвицы, пескари, густёрки
 Ко мне «сигают» из воды.

О, тяжесть серебрястой плоти
 Весомей слитков золотых...
 Плывёт на небо шаткий плотик
 Житейских радостей простых.

6 сентября 1983 г.

* * *

Судьба — навозная хаврония,—
 Как я не понял это ранее...
 Крестился в городе Харония,
 В страну приехал Померания.

«Чудесный край»: колоды краплены,
 Томографы и кардиографы,
 Гробы разверстые поваплены...
 Сие для вас — мои биографы.

Свалился на пол: боров боровом,
 Мычал, смердел, сучил ножонками...
 Быть нужно с гонором и с норовом,
 Чтоб Лету переплыть сажонками.

Тут подлетела помощь платная
 И откачала «дефективного».
 Пусть экономика затратная,
 Зато в ней много эффективного.

Культ личности, тем паче «культище»
 Противны по определению.
 Инфарктище, микроинсультище —
 Не повод ехать в «отделение».

Постель больничная расстелена,
 Но там «система коридорная»:
 Не сладко — грудь, башка прострелены,—
 Коль на этаж одна уборная.

В болезни нет ни грана этики:
 Одно круженье монотонное.
 Бывает: вздорные «поэтики»
 Стоят, как надолбы бетонные.

От капельницы, разъедающей
 Живую плоть, бежать так хочется.
 Привык я жить в земле рыдающей,
 Где кто угодно обхохочется.

Гул в голове. Зима. Зияние.
 Душа ушла вслед за обидами.
 Среброзлатое воссияние:
 Я — в хороводе с Аонидами.

И в сердце нет вопроса вечного:
 За что такие приключения?
 Известен мне вердикт Предвечного:
 Да просто так,.. для научения.

Мох вертограда старонового —
 Вне просветлённой заплешности —
 Молю Садовника сурового
 Не растоптать «мя» по оплошности.

Жена хворает. Ангеляточек
 Кормлю превкусными конфектами...
 Как много в жизни опечаточек,
 Что перекинулись дефектами.

Святой Завет Святой Руси:
 Не верь, не бойся, не проси.

7 декабря 2003 г.

* * *

Д.

Белых мушек круженье в венцовых пазах.
Сладкий иней. Октябрьский мороз.
Я проснулся недужно в соплях и слезах,
Встал впотьмах и к окошку прирос.

Первый снег,— как удар кулачищем меж глаз,
Как стакан первача в один вздох...
Открывает зима инвалидный танцкласс
Для тех ссыльных, кто в зоне не сдох.

Мир — как лагерь, узилище — Логос и свет;
Мир — казарма, ночлежка, дурдом...
Тот, кто яро отринул завет и совет,
Не судим человечьим судом.

Сколь изрядно напилено дров у бобров,
Аж завидки пекут до нутра.
Ходуном ходит ветром колеблемый кров.
Я в печи жгу стихи до утра.

Солнце грозное грянет в окно кирпичом:
Выходи, лежебока, на бой...
Мне и слабость, и боль, и недуг нипочем;
Лишь бы быть невозбранно с тобой.

Мне серебряный Дядька толкует Закон,—
Злоречив, как пророк Даниил...
Всё по ветру пустив, всё поставив на кон,
Лишь тебя я в себе сохранил.

Затрапезен и горек изгнанья сухарь.
Жду могильной лопаты зимы.
Я с волками живу, чтоб смеющихся харь
Не увидели в ужасе мы.

Для колдуньи-ворчуньи варю я обед
В преисподней темнице котла.
Ожиданье земных поражений, побед
Со стихами сгорело дотла.

Холодает. Я в катанки милые влез,—
Рукотворное чудо ума...
Мне кивает в окно прохудившийся лес.
Хлеб сороки воруют. Зима.

Керосиновой лампы подрежу фитиль,—
Будет свет, как в Господнем раю...
Я разбился, как чашка,— осколки — в утиль,
Раз не смог устоять на краю.

...Приволок два ведёрка воды дождевой
В тихом сне избяной маеты;
Накормил псов и кошек,— куражный, живой,
Молодой и бессмертный, как ты.

Наше бедное счастье, как беличий след,
Присыпает пороша снежком...
Нас навеки сковал полицейский браслет.
Не жалеи ни о чём, ни о ком.

13 октября 1988 г.

* * *

Константину Азадовскому

Я скоро умру натурально, как вошь —
 От жизни, от сердца, от ногтя Господня.
 Я — плут и забавник, но это не ложь;
 Я — грустен, серьёзен и честен сегодня.

Снаряжен исправно: изысканный смерд —
 Шнырял я проворно по аду и раю —
 Наивен, участлив, учтив, милосерд,—
 Попил, поплясал — господа — помираю.

Какую муру сочинил Пастернак
 О нежной аорте иль там аневризме...
 Господь-охранитель и дьявол-кунак
 Скрестились в моей непристойной харизме.

Я стар, от инфарктов, как пень, обалдел.
 Давление прёт красным танком на Прагу.
 Неловкий мне жребий достался в удел.
 Лакаю, как пес, мутнопенную брагу.

С напрягом и болью строка сложена.
 Я кровью набух — не умыт и угарен.
 Прощай, златоустая муза-жена.
 До встречи... всё знает и ведает барин.

Клянусь оперённой рифмой строкой,
 Биением пульса, разрывом предсердья:
 Нам будет дарован вселенский покой
 В мешанской стандартной квартире бессмертья.

Пусть дух легковейно уходит из жил,
 И смерть заполняет прорехи-лакуны...
 Сподобил Христос, я допел и дожил
 До смрадного краха бесовской Коммуны.

А что будет в сносах — судить не берусь,
 Ведь робкая власть в полный рост не окрепла.
 Пусть сгинет в пожарище красная Русь,
 А белая Русь воссияет из пепла.

Немало блудил я — мудака-диссидент,
 Таился, как вор, но востёр был и прыток...
 Да здравствует мой господин Президент
 И слабая власть без расстрелов и пыток.

Недурно прожить бы десяток годов
 При новом режиме, в любую погоду...
 Коль душу отдать — так я к смерти готов —
 Хоть пошло звучит, но в бою за свободу.

1 августа 1994 г.

* * *

Андрею Полякову

Колдует над темой
 Смещенья эпох
 Банален, как демон,
 И грустен, как Бог,
 Суров, стоеросов —
 Костёр между льдин —
 Прелестник-философ—
 Провидец Ильин...
 Темно. Незадача.
 Зажгите фитиль,
 Чтоб «Наши задачи»
 Пред тем, как в утиль
 Списать, пролистала
 Надменная Русь...
 Свобода настала.
 Молись и не трусь.
 В стране негодяев
 И ВКП(б)
 Пришёлся Бердяев
 По вкусу толпе.
 В земле живоглоотов,
 Убийц и воров
 Булгаков, Федотов
 Смердят, будь здоров.
 Газетных лохмотьев
 Прорвав пелену,
 Катков и Леонтьев
 Морозят страну.
 Крамола. Кручина.
 Кто враг мне, кто брат.
 Сия мертвечина
 Идёт нарасхват.
 Болею, седею,
 Радетель и сноб,

Я — русской идее —
 Привержен по гроб.
 Идея убога.
 Бесмыслен напор.
 Идея у Бога...
 Свинцовый набор,
 Станок линотипа —
 Как пена в устах —
 Лишь клюква и липа
 В бумажных листах...
 Идея — на шёлке
 Надмирных небес.
 Отнюдь не в кошёлке,
 Что ловко сплёл бес.
 Идея России,
 Идея Руси —
 В приходе Мессии...
 Не плачь, не проси
 Ни жизни богатой,
 Ни смерти во сне...
 Пусть ангел крылатый
 Придёт по весне
 Засеять равнины
 Духовных болот...
 Не рви пуповины.
 Богат умолот.

13 сентября 1993 г.

* * *

Погиб отец. Безбожно. Дико. Глупо.
 Неплох сюжет для выпрєнных стишков.
 Курю,.. а он валяется меж трупов,—
 Зальдевших пластикатовых мешков.

В мертвецкой батька мой. Ему там место
 Негодник уготавил, пустозвон...
 Возмездия дымящееся тесто
 Из кадки мозга выползает вон.

Я был в больнице. Гнусная дерюга
 Отца перерезала поперёк...
 Какой-то неумеха-шоферюга
 Убил его и пакостно убёг.

В беспамятстве отец лежал так тихо.
 Был бел, как мел, как ангела перо...
 Безносое всамделишное лихо
 Разлило кровь, как пацанва ситро.

Двадцатый век старик прошил, как пуля.
 Сломал две бойни. Казни. Голод. Мгла.
 Какая ж стоеросовая дуля
 В конце пути его подстерегла.

Ох, жизнь отца бессмысленно пустая:
 Без веры, упований, скрипа сфер.
 Пропел петух. Последний вздох истаял.
 У изголовья — Бог и Люцифер.

Как жаль отца... Заплакать да заохать.
 Вся жизнь его — невыразимый крах.
 Он, бедный, думал: миром правит похоть,
 Тщеславье, чистоган, топор и страх.

Какая гиль... Непониманье смысла.
 Глухой безблагодатности сосуд...
 Качается златое коромысло.
 Уходит мой отец на частный суд.

Когда его душа рассталась с телом,
 Вернулась мысль, исчез бесовский мрак,
 Испуганно, смятенно, отупело
 Он понял, что Христос ему не враг.

Господь, Ты — путь, скала, первопричина.
 Склонив главу, пою Тебе хвалу...
 Молю Тебя: за жуткую кончину
 Прости отцу бездумную хулу.

14 февраля 1993 г.

* * *

Летних басен множество.
 Пиво — из горла.
 Что-то мне не можется.
 Мама померла.
 Истина полезная,—
 Мол, все будем там...
 Умерла, болезная,
 Вздорная мадам.
 Жизнь её невинную
 Стоимостью в грош
 Вместе с паутиною
 Тряпкой не сотрёшь.
 Гаснет в смерти кратере
 Облик, образ, крик...
 Нет со мною матери,
 Я теперь — старик.
 В неземной обители
 В бытии ином
 Ждут меня родители
 С хлебом и вином.
 Срок придёт и свидимся.
 Зарыдает мать.
 Встретимся, обнимемся...
 Важное сказать
 Что-то попытаемся
 В сердце и в уме...
 И засобираемся
 Исчезать во тьме.

21 июля 1997 г.

КОМАРОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Глебу Маркелову

Мной финский берег не воспет:
 Залив, и сосны, и поляны,
 Где расточился тонкий след
 Былых насельников румяных.

Уж не звучит Суоми речь
 Над этим богоданным краем,
 И истлевает русский меч
 Во мху за дровяным сараем.

Расшвыривал так валуны
 Какой неведомый метатель...
 Я — гость полуночной страны,
 Пришелец, не завоеватель.

Сюда бегу я, словно тать,
 В оцепененье, в пароксизме,
 И тут со мной не совладать
 Ни откровению, ни схизме.

С собачкой дряхлой спи, жена,
 И не спугни стихотворенья.
 Вокруг такая тишина,
 Как за мгновенье до творенья.

Луна сквозь стёкла метит в лоб
 Виршеслагателю угрюмо,
 Ведь здесь опущен в землю гроб
 Равноапостольной Акумы.

На кладбище — учителя —
 Магистры ангельских ликеев...
 Благословенная земля
 Богов, титанов и пигмеев.

Пол долгой ночи печь топлю.
 Дрова чадят. Стихи — насмарку.
 За что я родину люблю? —
 За комаровскую хибарку.

14 октября 1978 г.

* * *

Все были тамплиерами, кроме нас.

Умберто Эко.

Счастливы счастливые.

Х. Л. Борхес.

Лысый педик скалит зубки:
Эко с Борхесом кумир...
Старый барин курит трубки,
Тупо пялится на мир.

Сладко мне взирать с балкона
На разлапистых котов,
Выбив половик закона,
Знать и верить: я готов.

Дивно грезить в тёмном парке
Про уланские полки,
Намотав немойтой Парке
Клочья пряжи на колки.

Личность я или не личность.
Быв, пребуду ль до и пре?..
Есть ли некая цикличность
В этой выпрренной игре?

Растрясу душевный ранец:
Всё, что ярче, — то острей.
Прав ли базельский засранец
Иль апостольский еврей?

Оба были дураками
Потому и оттого,
Что пустыми пустяками
Растревожили Того,

Кто проснулся, воплотился,
Тяжко выдохнув туман,
Умер, встал, переродился
И улётся на диван,

Тайно высланный коврами
Галактических причуд.
А над ним — в незримой раме —
Натюрморт «Предвечный Суд».

Заповедал вам Распятый:
Не глумись, не режь, не бзди...
Так чего же вы, ребята,
Всё сбиваетесь с Пути.

В Лабиринте Возвращения —
Ни черта не разберёшь —
Нет смущенья и прощенья,
Есть безжалостность и ложь...

«Что есть Истина?» — Плеханов
Вам ответит за меня...
Турмы духоносных ханов
Едут, ножнами звеня,

На софийные Джайляу...
Всяк кричит: я вас умней...
Истина — в кошачьем мяу —
В воздыхании о ней.

Петергоф. 21 июля 1998 г.

* * *

И. Коз.

Бля, как не впасть в истерику,
Штык приравняв к перу...
Россия — не Америка,
Не Конго, не Перу.

В душе и в небе трещины.
Смердит кровавый пал.
От Божеской затрещины
Колосс, рыгнув, упал.

Не пробежаться — бедному
(Он — русич, а не панк) —
По торжищу победному,
Где вместо храма — банк.

Россия — одурелая —
Бананы с киви съест,
А после — озверелая —
Затребует на съезд

Отцов бессмертной партии:
Верните всё назад,
Либерализма хартией
Нам подотрите зад,

Ведь мы, как дети малые,
Без вас — как есть в говне...
И ухари удалые
Скомандуют: равне...

нье... Шпоры взбрыкают.
Лежи, чтоб не упасть.
А сукам тем, что вякают
Заткнем портянкой пасть.

Оскомину смородины
Эстонец помнит, лях...
Особый путь у родины:
В тифу, в бреду, в соплях.

Народу богомольному
Господь простит грешки.
И автору крамольному —
Статейки и стишки.

Плевать, к чему причислю я
Свой строкотуплет...
Луна единомыслия
Над Русью восстаёт.

27 августа 1995 г.

* * *

Баронессе фон Беннигсен.

Я горько думал о тебе
 В дыму мишурных кривотолков.
 Курил, ощеривал судьбе
 Оскал слюнявый полуволок.

Седая осень. Льда крупа
 Сечёт прохожих злые лица.
 Тобой протоптана тропа
 Наискосок моей, сестрица.

Сквозь пелену чумных годов,
 Как песенку твою услышу,
 Я над тобой раскрыть готов
 Крыло своё летучей мыши.

Нева привычно бьёт в гранит.
 Заледенелый сон в колодце.
 Сырой шутихой век трещит,
 Чадит и пламенем плюётся.

Никто — тверёзый иль пьян —
 По-водолазному, до крика —
 Не смеет бедных россиян
 Костить, что мы не вяжем лыка...

Сестра, ничто не стоит грош
 В стране, где деньги пахнут калом...
 Но кровью вмиг не изойдёшь,
 Свинцовым поперхнувшись жалом.

26 ноября 1977 г.

* * *

Т. К.

Россиянские игрушки:
 То раденье, то погром...
 Я орудую в избушке
 То пером, то топором.

Видел ангела и беса.
 С Достоевским чай варил...
 Злоречивого балбеса
 Бог поэтом сотворил.

Стырив тютчевский чинарик,
 Затянусь на полный вдох...
 Керосиновый фонарик
 Почадил, да и подох.

Тяжко мне и худо, братцы.
 Растоплю вещунью-печь:
 Надо бы в избе убраться,
 Да пожрать чего испечь.

Деревенские работы,
 Незатейливый уют
 Прогоняют прочь заботы,
 Душу греют и поют.

Ленинградских чистоплюев,
 Кукловодов рабьих склок
 Презираю, словно Клюев,
 И жалею, будто Блок.

Эмигрировав из клира
 Потом пахнувших творцов,
 В огород повешу лиру,
 Как скворечник для скворцов...

18 сентября 1983

* * *

С. Б., бар.

А всё ж Россия не погибла,
Как под подошвою змея,
Хоть много мерзкого прилипло
К державной хартии ея.

Под верноподданное: «nihil !»,
Под торжествующее: «нет !» —
Молились в смрадных кельях мнихи,
Спасая Русь от новых бед.

В глухих кармических пожарах
Прожарены, как смерть, тихи,
В тюремных камерах на нарах
Шептали узники стихи.

Рубашки не отжав от пота,
Не смыв кровавой мокроты,
Вели неспешную работу
Духовной Индии кроты.

В бесовском мороке и чаде,
Где ест глаза зола и дым,
Не забывать о Божьем чаде
Дано убогим и седым.

...Горит в миру Руси лампадка,
Где вместо масла — гной и слизь...
Когда очнёшься от припадка,—
Вставай и Господу молись.

26 марта 1988 г.

* * *

Т. К.

Тревожно в мире. Запах гари
Пороховой. Мертвячий смрад...
И в этом дьявольском пожаре
И я безвинно виноват.

Спокойно в мире. Плотской гнили
Пласты удобрили поля.
О русичи, что тайно сгнили
В тебе, афганская земля.

Чу... красноперые фантомы.
Вон — Пентагона ястребки.
«Чума на оба ваши дома».
Разбей вас Бог на черепки.

Поэт подобен Пенелопе
В строковязанье... Афоризм:
Глумливо мчится по Европе
Кровавый призрак: терроризм.

Ислам гяуры нынче славят.
У европейнок — приязнь
К стране, где чалмоносец правит
И громоздит на казни казнь.

Перед вселенской гекатомбой,
Пред воздаяньем за грехи,
Как мне запрятать в катакомбы
На грифельной доске штрихи,

Где строчки с рифменной полудой
Моих кошунств, удач, обид
Валяются нелепой грудой...
Опять катрена край отбит.

Червонец ставлю с роком в фанты
 На кон... Ведь я в игре неплох.
 Прилежно, франты-сикофанты,
 Выискивайте в рифмах блох.

Душа моя — эфемерида —
 Бежит сетей, плетей, оков
 К вратам Олимпа, как Ирида —
 Благая вестница богов.

18 августа 1982 г.

* * *

*Татьяне Краснянской,
 Яне Соломинской*

Жизнь — тусовка и тщета.
 Такова эпоха.
 Жажду прочности щита
 Зевса Эгиоха.

Боль пронзительно остра.
 Прёт навывлет вертел.
 Расстаёмся мы, сестра,
 Может быть, до смерти.

Мировая требуха
 В дьявольском желудке.
 В интонации стиха —
 Старые погудки.

Ночь. Мороз. Метель и лёд.
 Болен я и жуток.
 До посадки в самолёт
 Меньше полусуток.

С поэтических котурн
 Шмякнусь мордой в лужу.
 Улетаешь на Сатурн, —
 Оставляешь душу.

Стали детские стишки
 Яростной балладой.
 Из моей седой башки
 Вышла ты — Палладой.

Вурдалаки, псы-дружки:
 Пасти, когти, лапы.
 Осторожные шажки
 Направляешь к трапу.

Человечьих сальных стай
 Маята убога.
 Улетаешь,— улетаешь...
 Только веруй в Бога.

Разгрызай судьбы гранит,
 Не журишь на долю
 Он спасёт и охранит,
 Даст покой и волю.

Не печалуйся, прости
 Тех, кто сбоку, между.
 Мы хотим тебя спасти,
 Подарить надежду.

Трудно спрясть в стальную нить
 Волокно любое...
 Нас нельзя разъединить,
 Мы всегда с тобою.

2 января 1982 г.

* * *

Д. А.

Десять лет — ресниц смеженье Шивы.
 Прежнее — как вишня в сентябре.
 Десять лет — беззубый и плешивый —
 Я бренчу уныло на домбре
 Стихотворства, буйства, окаянства.
 Милая — в рыданиях и в соплях...
 Я с тобой в юдоли постоянства,
 Как с коханой пани юркий лях.
 Жизнь — такая пакостная штука
 (Головопроломен пируэт),
 Но непоправимого кунштюка
 Всё ещё не вытворил поэт.
 Ктесифон — священный город Кеев.
 Глух свинец начитанных страниц.
 В государстве пьяниц и лакеев
 Стерегут засовы у границ.
 Споловинив жизнь, ушёл из мира,
 Толком ничего не возлюбя.
 Кособоко сотворил кумира:
 Праведную, мутную — тебя...
 Протяни ладонь — булыжник брошу,
 Вытру слёзы, опажну крылом.
 Улыбнись щербатому Гаврошу.
 Марш вперёд — не думай о былом.

23 декабря 1982 г.

* * *

Сыну, внукам

Я торчу в избе-пенале,
 Как чернильный карандаш...
 Воют волки на канале,—
 Полоумный раскардаш.

В пасть кладу печи-толстухе
 Скользкие охапки дров.
 Ночью демоны и духи
 Навещают утлый кров.

Сквозь невымытые окошки
 Вижу дождь и снегопад.
 Псы блошистые и кошки
 Колготятся невпопад.

В атмосферной мешанине:
 То тепло, то снег и лёд.
 Я строчу на пишмашине
 Дни и ночи напролёт.

С жирной важностью гусыни,
 С обречённостью ножу
 Тупо думаю о сыне
 И молитвы возношу.

Дай, Господь, ему стократно
 То, что Ты недодал мне...
 Не пойми меня превратно,—
 Я — как бритва — на ремне.

Боже, не бывать мне Крезом,—
 Императором в строю...
 Пусть мой мальчик хлеборезом
 Будет в зоне и в раю.

Господи, не будь педантом,
 Перст прости на молодца,
 Одари его талантом,
 Как беспутного отца.

Отче, юноша сгодится,—
 Переборет немоту,—
 Дай ему Твоей водицы
 Налакаться, как коту.

Опьяни безумным хмелем,
 Дай избранничества знак...
 Мы с дитятей перемелем
 Терпкий Твой и горький знак.

Дай ему любви, покоя...
 Длани, душу, как врачу...
 И за это я такое
 Про Тебя наворочу,

Что слетят ворота ада
 С густо смазанных петель...
 Больше ничего не надо.
 Утро. Обморок. Метель.

13 ноября 1988 г.

* * *

Льву Щеглову

С годами прошлое видней,
Отчетливей и откровенней.
Пишу. Струится рой теней.
Витают череда мгновений.

Брутальный привкус новизны
Набил оскомину до рвоты.
Боюсь полярной белизны
Новооткрытого блокнота.

Мои умершие дружки,
Мои угасшие подружки...
Червонцев звонкие кружки,
Обмененные на полушки.

И в чьей-то памяти и я
Шутом остался, пьяной рожей,
Хоть посвист инобытия
Не слухом чуял я, но кожей.

Сомнительный христианин,
Обрюзгший юноша конторский,
Я обречён катить один
Сизифов камень бутафорский.

Филосемит и мизантроп
С прилипшей к мясу грязной маской,
Рукой ощупываю гроб,
Повапленный дешевой краской.

22 августа 1982 г.

* * *

Витальной нити остов тонок —
Локтём заденешь и — убит.
Я не подарок, не подонок —
Я — гуру — не бандит — пандит.

Я болен пакостною хворью:
В болячках мозг, душа смердит.
Как Кот бреду по Лукоморью
Меж раком съеденных раки.

Я сдох душой, но тело живо —
Очаровательный кадавр —
Людей прельщаю, жду наживы —
Наук оккультных бакалавр.

Штиблеты, брюки и подтяжки,
Надменный взор, пристойный вид.
На фотокарточке Смертяшкин
С супругой суженой сидит.

Она прелестные рацеи
Ему о благостном поёт
И в Императорском лицее
Достоин курс преподаёт...

Пора сдыхать, да нет силёнок.
Копейка брошена на кон.
Помог бы мне какой бесёнок
Перескочить сей Рубикон.

Господь, прими в дыму, в кровнице,
В блевоте, кале и моче...
И пропуском в свое жилище
Дай целованье на мече.

18 марта 1984 г.

* * *

Вздорной мамкой онемечен,
 Пьяно горд, хорош собой,
 Благодетельно отмечен
 Был я скаредной судьбой.

Ловко складывал эклоги,
 Рвал подмётки, клал в суму...,
 Пёрышком, как бисер, слоги
 Собирая на тесьму.

Словно радиоприёмник
 Выборматывал я стих,—
 Добродетельный наёмник,
 Воровавший у других.

А потом кнутом и палкой —
 Как коню британский грум —
 Муза — дряблая весталка —
 Мне вколачивала ум.

И с тех пор пою по нотам
 Не заёмным, а своим...
 Тихим счастьем идиота
 И виденьями томим.

Горьким даром измочален —
 Ни навара, ни двора —
 Стал я, робок и печален,
 Опасаться топора.

Коль придётся лечь на плаху
 И уйти в крови во тьму...
 Лишь тогда стихов рубаху
 Вместе с кожей я сниму.

26 мая 1982 г.

* * *

Построили зеки
 Роскошный канал
 Плывут человеки
 Плюют на причал...

Недетские игры
 На ужин — икра
 Над пристанью Кимры
 Гудит мошкара

На сваи причала
 На солнце и дождь
 Глядит с пьедестала
 Насупленный вождь

Понижены цены
 Повышен удой
 Разрушена церковь
 И смыта водой

Избушки косые
 Некормленный скот
 Мальчишки босые
 Любезный народ

Не суйся к ним Запад
 Гнилое нутро
 Не лучше ли лапоть
 Софию Бардо

Мусью диссиденты —
 Скажи пуркуа
 Сосут экскременты
 Твои — буржуа

Хоть брюхом не слабы
 Да дело их швах
 Спросили б у бабы
 О ейных правах

А что им ответит...
Сказать не берусь!
Одна на планете
Надменная Русь

9 августа 1974 г.

* * *

Боль становится терпимой.
Мозг из глаза не пролей.
Тяжко женщине любимой
Притворяться Лорелей.

Раздосадован навеки,
Жабой плюхнувшись в кювет,
Не могу размежить веки,
Посмотреть на белый свет.

С хамской спесью Чингизида
Глотку рифмами деру...
В ветхой мантии Изиды
Я проделаю дыру.

Что молчанка, что волчанка —
Коль такая полоса:
Пропадай, моя тачанка,
Все четыре колеса.

13 февраля 1983 г.

* * *

Бог посеял в землю семя
Перемен. Зачем... — Спроси.
Замечательное время
Заканало на Руси.

Пиво пей. Скандаль в охоту,
Хоть на Энгельса стучи.
Атлантистов-доброхотов
Назидательно учи.

Отвыкая понемногу
Без причины убивать,
Вертухаи учат Богу
Нас поклоны отбивать.

Бес! Нишкни! Хвостом, паскуда,
В царстве духа не крути,
Проповедуя нам чудо
Уникального пути.

Русь, царевна, вымой ...
От запекшейся крови,
А потом учи Европу
Правде, праву и любви.

Били. Пили. Били. Пили.
Подрезали стремяна.
И откуда накатили
Вдруг такие времена.

Бремя подвигов накрылось
Трансцендентною ...
Кончен бал. Ступай на клирос.
Повышай души надой.

Стой под ливнем дикой воли
Без штанов — как есть — во, бля...
Отдыхай. Не надо боле
Родине давать угля.

24 июля 1997 г.

* * *

Чадит в клубах тумана
Небесный уголёк...
Я выпал из кармана
Судьбы, как кошелёк.

Дно прохудилось струга,
И треснуло весло.
Я выскочил из круга...
И круто понесло.

Из стебля выгнал почки
Мой сумасшедший ген.
Я выпрыгнул из бочки,
Как смрадный Диоген...

Не оплатив рассрочки,
Обманщик и банкрот,
Рифмованные строчки
Ташу в нору, как крот.

19 ноября 1983 г.

* * *

Песенка, зашедшая
В ухо невпопад:
Мама — сумасшедшая.
Папа — психопат.

**** — доносчик, висельник,
Жлоб-антисемит —
Как змея завистливый,
Как свинья, хамит,

Продолжая арию
(Композитор — бес)
Не для пролетариев —
Для КПСС.

Лажа россиянская.
Расы чистота.
Спесь неодворянская.
Скука. Пустота.

Мерзости родимые.
Камни-валуны.
Куст неопалимая
Божьей купины.

Хорошо при Рюрике
Сладили страну...
В Питере, не в Цюрихе
Лаю на луну.

Поселиться в Кинешме?
Жизнь была б ровней...
Никуда не кинешься:
Индия — во мне.

Накренилась маковка
Церкви до земли...
Не печалься, Марковна,
Горестно внемли

Голосу утробному,
Льющемуся влать
Из гелиотропного
Рая, где Бог — власть

Жёсткая, тотальная:
Благодать — не гнёт...
Лишь болезнь летальная
Родину спасёт.

2 сентября 1995 г.

* * *

Безумец, вор и скупердяй,
Пристойно мину сохрания,
Я получаю нагоняй
От записного негодяя.

В чём виноват я? Вот те раз...
Подхвостье рьяно чешут черти,—
В том, что я мать удачно спас
От гноегнильной быстрой смерти.

Меня колхозный свиновод
Когтит, терзает, раздражает
И опрокинуть небосвод
Мне на затылок угрожает.

Неймётся пасынкам ума.
Болезни насылают звери,
Мечтая, чтоб судьба-тюрьма
Передо мной отверзла двери.

Неутомимая *****:
Проклясть, забыть и веки смежить...
Вот наказание для меня:
Шизофреническая нежить.

Мой утлый челн на абордаж
Берут, но в битве я суровой...
Не ваш, паскудники, не ваш
Я и по духу и по крови.

Мне был внушил преступный *****,
Что я тевтон в российском поле...
Коль так, то так. Сильней в сто крат
Я стал, щитом прикрывшись боли.

На чужеродном языке
 Слагаю робкие эклоги...
 Силёнок мало. Я, к клюке
 Припав, хромаю в эпилоге.

День. Пустота. За окоём
 Летим с женой, бежав от гнёта,

И шепчем сладостно вдвоём:
 Германия... Порядок... Гёте...

5 июля 1995 г.

* * *

Я раздёрган расторгнут расторкан
 Словно щука попав на кукан
 Из соломинок сделал распорки
 Обряжаю в хитон истукан

Истукан истомлён и истыкан
 Клювом грифа кинжалом штыка
 Поезд быта грохочет на стыках
 Кошмарный сон: я кровью истекал

Пст... пст... надменно Пастернак
 Целует лапку нежной Беатриче
 Бредут босые ноги по стерням
 «Устав от грозного Ея величья»

О Господи сподобь на подвиг
 Косноязычен стих мой нем
 Я словно густопсовый Хлодвиг
 Врубаюсь в заросли поэм

Вечная память верно помяты
 Будут бока от наскоков
 Мичиганский запах русской мяты
 Гуггенхайм Спас-на-крови Набоков

Сергей Михалыч отче падре
 Ты в Бозе горестно почил
 Твои пометы я почал
 О как тебя терзали падлы
 Не вспомню всуе палача

«Не расстреливал несчастных по темницам»
 Человечьим мясом не кормил свиней
 В девий рот не заливал свинец
 Не вязал носков из женских кос на спицах

Нимфа в нимбе нимфетка в нирване
 С золотистым пушком на спине
 Будто на полковом барабане
 Порвалась моя кожа на мне

О коричневая роза на берегу Беломорканала
 имени В. И. Ленина

Борис Константинович Зайцев
 Строчите в угаре
 В России охота на зайцев
 В разгаре

Бьют бутсы по сердцу ну точно в футболе
 Вон правый защитник стремится заехать в аорту
 Спортсмен-активист-публицист наивысшего сорта
 Мне больно мне больно мне больно мне больно

Жена моя кровью я плачу карминные слезы
 клопинными пятнами виснут на звездах и кранах
 болят мои губы и лоб мой от терний в порезах
 Осанна осанна осанна осанна осанна

Ло — губ моих выдох
 Ли — грань в ипостаси
 Та — грех я не выдам
 Спасаясь

«Лейся песня над лугами»
 Ти-ти-ти и те-те-те
 «AMD ея руками
 Начертал он на щите»

Вольному — воля
 Спасённому — рай
 Музей—сарай
 Доли

Красный свист проводов зелёные звуки тамтама
 День рыбака отмечают в Щигровском районе
 Огненный пульс рокового лингама
 Иони нимфетки йони

Йоги бредут по гвоздям и бутылочным стёклам
 Дервиши с плачем уходят из Хайдарабада
 Млекообильная супердебелая Фёкла
 Грудью питает будущих нимф толстозадых

Анна Андреевна ! Вы помните мои слёзы над вашим гробом

Русские бабы мясистые потные бабы
 Салом налиты до глаз словно пивом угрюмые швабы
 Где вы: лютик сосков и ягодиц нежных упругость
 Грубо

Девочки русские русые
 Нимфы нимфетки феи
 Кос золотопадных бурнусы
 Офейра

Борис Николаевич где ваша милая Ася
 Ась... не расслышал щёлкает счётками в булочной в касе
 Статуей стынет в храме Блаватской в Мадрасе
 Спит с проходимцем на вшивом матрасе

Где Вы Борис Николаевич где Вы
 Голубем зёрна клюёте с ладони у радостной Девы

Лолита — лифчик на лопатках
 Полоска тела на бедре
 Твои базарные ухватки
 Мне

Я — Гумберт — губы твои пацанка
 О зверя ранка американка

Словесный изыск был мне чужд
 Запах твоей кожи Лолита
 Я в стихотворстве безобразен
 Золото волос твоих нимфетка
 Готов налить для ваших нужд
 Руки твои прозрачны как мёд в сотах
 Своей я крови целый тазик

Я надену робу металлурга
 Нацеплю шахтёрскую звезду
 Завтра праздник — День Демиурга
 Я на демонстрацию пойду

Лолита умывайся культпросветом

19 июля 1969 г.

* * *

Гипертонической кровянокою налиты
 Белки безумных вежд. Занудная мигрень.
 Я вою, будто пёс, над искусом «Лолиты»:
 Прикушенный язык — из пасти — набекрень...

И бешеной слюной коричневую розу
 Облив, я налетел на преисподней дверь:
 Нечеловечески смастряченную прозу,
 Сожрав, как людоед, и, выблевав, как зверь.

Чумной прелестницы всё ж прелести убоги.
 Нет в томе музыки скрипучей горних сфер.
 Меж изощрённых фраз и вздоха нет о Боге.
 Текст диктовал писцу развязный Люцифер.

Недужится мне. Ночь. Разнузданные стопы
 Не сосчитать: я туп и салеен, словно бек...
 Ишь окультуренный дичок в садах Европы
 К секвойе был привит и славный дал побег.

Ударом кулака я налагаю вето
 На свиток дивный сей, перекрестивши лоб.
 Здесь слишком холодно: нет Господа, нет света
 И вечной жизни нет — лишь пагуба и гроб.

В сей книге сатана, крылом плешивым вея,
 Нашёптывает нам: предайтесь князю тьмы...
 Распятие раздавив гудронами хайвея,
 Сильна рогатых рать, но не склонимся мы.

Ведь с нами юный Царь и ангельские стаи:
 Архангелов мечи, апостолов дрючки...
 И с содроганием наборный смрад листая,
 Я плачу о себе и рву стихи в клочки.

Читатель возопит, что спятил я — наверно.
 Я с этим соглашусь, давно сойдя с ума...
 Творца «Лолиты» ждёт бессмертие в inferно.
 Изыди, чаровник... Где трость твоя? Сума?

19 июля 1989 г.

* * *

Виктору Кривулину

Нас неумело воскресили.
 Кто воскресил — не в этом суть.
 Мы дети страшных лет России.
 Пережитое — не вернуть.

Гробы разверсты, из могилы
 Встаём, шатаясь и оря.
 В бою мы сдали Фермопилы.
 Сложили головы зазря.

Опять пишу высоким слогом,
 А для чего, а на хрена.
 Надеюсь: прощены мы Богом,
 Но презирает нас страна,

Которой мы нескладным штилем
 Благие вести принесли...
 Народ бунтует перед штилем.
 Кровавый обморок вдали.

Бравады наши, эскапады
 Шутейно вызвали разгром
 Империи... И камнепады
 Разрушили вселенский дом

Евразии. Ведь в нём со свистом
 Разбойничьим — на тыщу лет
 Обосновались коммунисты...
 И вдруг ни стен, ни окон нет.

Читатель Розанова вспомнит
 И будет прав, и будет глуп...
 Из этих разорённых комнат
 Не выстроишь Английский клуб.

А мы — художники-балбесы,
 Нас крайне мало, но мы — рать —
 Пойдём, когда вернутся бесы,
 Опять под стрелы умирать.

Спаси, Господь, мою Россию.
 Свободы тяжкой рвётся нить...
 Нас неумело воскресили.
 Нас снова не похоронить.

Перо дрожит, и сердце рвётся,
 И поступь дьявола тиха...
 Всё, может, как-то обойдётся:
 Есть все же магия стиха.

13 мая 1993 г.

* * *

Александру Исачеву

Смерди под скальпелем витийства,
Косноязычия киста...
Умочитаем грех убийства
Развоплощённого Христа.

Десятилетия разгула
Невероятной бесовни...
Вострят ножи, наводят дула
И чревобесятся — распни!

В спесиво-костоломном танце
Под скрип мелодии простой
Кружатся Ленин, вольтерьянцы,
Великий Пётр и Лев Толстой.

Толклись вчера, бегут сегодня —
Соревновательная злость —
В иссохшую ладонь Господню
Всадить по шляпку медный гвоздь.

Кто палача тяжёлый молот
За черенок не ухватил,
Тот утоляет духа голод
Костью насельников могил.

Родные сердцу пустоплясы
И пиротехники идей,
Рыгнув, блюют Христовым мясом
В болота родины моей...

Сорви картонную личину
С лица, повязку с гноем — с век:
В тлетворной ненависти к Сыну
Твоя загадка, чумный век.

Очнётся ль Индия родная
Дурманым сном опоена...
Не знаю, Господи, не знаю,
Поведай тайну, сатана.

12 декабря 1977 г.

* * *

Д. А.

Психозные тени
Клубятся гуртом.
Поэт-неврастеник
Сдаётся в дурдом.

Всё неотвратно.
Не я — так другой.
Прощай, Диотима,
Ребёнок драгой.

Коварство лекарства
Надломит калам.
Венчался на царство,—
Поехал в Бедлам.

Собрат-искуситель
Не скажет: налей...
Спаси, искуситель,
Святой Пантелей.

Созвучий грибницу
Сгубил я, изгой...
В больницу-гробницу
Ложусь я — нагой.

В узилище страха
Ступаю стопой...
Восстану из праха
И буду с тобой.

Прости, королева,—
Печальна, строга,—
Не слишком напевна
Выходит строка.

Уколы, облатки —
Положенный пай.
А ты — шоколадки —
Себе покупай.

В трясучке, впросаке
Шепчу — боль в губах —
Нас будут писаки
Ворочать в гробах.

Обмеривать станут
С морозцем в висках
Дрожание стана
В любовных тисках...

В свинцовое время
Под адской пятой
Мы подняли бремя
Любови святой.

Пилюли глотая
И муки терпя,
Плету, золотая,
Стихи про тебя.

11 января 1983 г.

* * *

Ночь осенняя тиха.
Плеск волны озёрной.
В хилом колосе зерна
Набухают зёрна.

Болен, жалок, одинок,—
Выгоревший, ржавый —
Сумасшедший рашинок
Выблеван державой.

Бородатый и нагой,
Склонный к пустословью,
Омерзительный изгой,
Раненый любовью.

Изругавшийся над той,
Что роднее Бога,
Я наказан немотой
Сбивчивого слога.

Бес подуськивал: зарежь
Кроткое создание...
Как теперь заткну я брешь
В шатком мирозданье.

Смоляной фонемный лес
Накренился косо.
Господи, зачем я влез
В шкуру кровососа.

Одиночество вдвоём
Заступом зарыто...
Флегетонтов водоём —
Ветхое корыто.

...Деревенский хулиган
На исходе лета
Во вселенский балаган
Потерял билеты.

31 августа 1982 г.

* * *

Марф.

Развалившись нагло на попоне,
Страхивая пепел на штаны,
Говорю с тобой на понял-понял
Лучшая жена моей страны.

Нет в тебе сноровистой ухватки
Подличать, рожать, злословить, шить.
Складывай убогие манатки —
Нарисую остров — будем жить.

Синдиком республики звериной
Выберем бесхвостого кота.
Песнопеньем «Книги голубиной»
Мы заменим хартию кнута.

Дуновеньем умственным зефира
Рассосётся мерзостный туман.
В хрустале безгрешного эфира
Зазвонит библейское ман-ман.

Нет на нас управы — лишь расправа
(Безголовым не носить чалмы).
Бедная, благодарю за право
Быть собой, с тобой и петь псалмы.

16 января 1982 г.

НА РОЖДЕНИЕ СЫНА

I

Не думал, что

на медном ложе бытия
лаская тёплый остов девы
возлягу может быть и я
чтоб семенем стать для посева

жизнь — некий двуединый знак
ab ovo — синтез и анализ
зачем мы Господи старались
нарушить светом вещей мрак

бессилью сбивчивого слога
не перейти сей Рубикон
нет в мире Бога — кроме Бога
субстанция Его суть Он

и черти — что меня забыли —
как черви — гробовую тьму
Им сублимированы были
и имманентны лишь Ему

II

рожденья таинство скоромно
как первородный хамский грех
оно — огромно и погромно
оно — единое для всех

о чудо Божьего мгновенья —
во влажноматочной глуши —
звук нежного сердцебиенья
проклёвывания души

потом безмирно и безмерно
разверзнув лоно — хил и слаб
бессмысленно и суеверно
в игру вступает Божий раб

благослови — прошу — Господь
се — отпрыск кровь моя и плоть

24 декабря 1970 г.

* * *

Ей

...И в обморочном зыбком помраченье
Звенела жизнь, как мерная строка...
И я хотел сложить стихотворенье,
И в нём тебя оставить на века.

Ты — не умрёшь — горенья плоти тленной —
Ты убежишь — печальна и светла...
Чтоб растопить предвечный лёд вселенной
Достанет животворного тепла.

Я — сумасшедший, гаер и мечтатель,
Житейский геометр и рифмоплёт —
Клянусь, что мой негаданный читатель
Нас вспомнит, содрогнётся и поймёт.

И, отложив стихов нелепых томик,
В которых я, как слон, посуду бил,
Подумает: какой был автор комик,
И как он эту женщину любил.

Я не виновен: не дал Бог таланта...
Натужно слёзы крокодила лью.
Люблю тебя, как любят эмигранты
Двоящуюся родину свою.

Я бросил стыд, смиренность и гордыню
В упавший с неба яростный огонь,
Поцеловав надменную рабыню
В мартышечью, но властную ладонь.

7 ноября 1978 г.

ГРИБОЕДОВ В МОСКВЕ

Вере Броссе

Взять извозчика поехать в клоб
сесть за ломберный стол — комедь-эскиз
проиграться в прах — и пробку в лоб —
вьюжным утром в кибитке в Тавриз

у английских карет облучки
крыты красным добротным сукном
господин Грибоедов очки
протирает голландским сукном

дом Тверская клубный угар
дверь распахнута нервным рывком —
и бобровую шубу швейцар
принимает с галантным кивком.

Ночь морозная ветер пурга
ужин кончен газета диван...
дома верный усталый слуга
запаковывает чемодан

24 марта 1967 г.

* * *

Д.

Господи! Я не «Magister Ludi» —
Болен... поправимо одинок.
Так за что ж насупленные люди
В душу мне готовы дать пинок.

Я почти готов в ногах кататься
Не у них, а лишь перед Тобой.
Скоро ли горнисту-святотатцу
Ты позволишь протрубить отбой.

Кончен пир. И вымыты тарелки,
Спрятаны бокалы, пол натёрт.
Можно ехать... На часах лишь стрелки
Подведёт мне вышколенный чёрт.

Худо мне. Я — неисправный воин,
Ранивший в крестец посла послов.
Стало быть, предатель недостойн
Человечьих, а не рабьих слов.

Я не буду жаловаться больше
Никому, хоть стану жрать навоз,
Как не плачется в жилетку Польша —
Голая — в златом плаще волос.

Буду сам всегда за всё в ответе.
Полечу,.. но только по прямой.
Я один такой на белом свете:
Колченогий, гордый и немой.

Будьте изошрённы, целокупны,
Не уподобляйтесь палачу.
Мне такие радости доступны...
Не скажу под пыткой, промолчу.

Я такое видел в поднебесье
И такое в сумрачном аду...
Мне смешны повадки ваши песьи.
Успокойтесь, я не пропаду.

Тихий свет слезою застит взоры...
Сломанный клинок вернув судьбе,
Я плету фонемные узоры
Намертво. И плачу о тебе.

4 февраля 1983 г.

КОНСТАНТИНУ АЗАДОВСКОМУ

I

Грязнили ватных мыслей клочья
 Паркет коробки черепной.
 Я болен был пасхальной ночью
 И коротал её с женой.

Свистело радио Монако —
 Пел православный русский хор:
 Под чуждым знаком Зодиака
 С Христом негромкий разговор.

Распластывали мирозданье,
 Как мясника стальной секач,
 Забеглых дискантов страданье,
 Басов-невозвращенцев плач.

Печаль России. Горечь дыма
 Неостывавших пепелищ...
 Соотчичи и побратимы,
 Я, как и вы, бездомен, нищ.

Приязнь к неласковой державе —
 Заноза в мышце кровяной...
 Вас не зафлажили в облаве —
 А я не жду судьбы иной.

22 апреля 1979 г.

II

Я умер для мира и саван надел.
 Я взял во владенье крестьянский надел.
 И заступом ржавым плебейской судьбы
 Я напрочь схоронен под крышей избы...

Из брёвен крестовых изба сложена.
 Со мною в могиле: собаки, жена,
 Садовая нечисть, болтун-огород,
 По-русски смышлённый крысиный народ.

Я прежние сны предаю забвению,
 Варю на плите для поминок кутью.
 Дрова не чадят, и плита не дымит.
 Я сам запалил под собой динамит...
 А мой стихотворный рассыпчатый дар
 Клубится в избе, как бесцветный угар.
 И жду я, опасно веки прикрыв,
 Когда же раздастся пленительный взрыв.

21 августа 1982 г.

* * *

*Татьяне Павловой,
Александрю Лаврову*

Сей мир переперчен, но пресен:
Тусовки, разборки, туше...
Ошмётки хасидских песен
Смердят в моей тёмной душе.

Я, выломившийся из строя
Гоплит, убиенный копьём.
Сгорев, моей юности Троя
Забита бурьяном, репьём.

Иначе: я — Божья коровка
С мечом и щитом на ремне.
Страдающая полукровка:
Татарин и русич во мне...

С торжественностью иерея
Стиха воздымая потир,
Печалуюсь: крови еврея
Нет в жилах... Печёночный тир

Подвергнут обстрелу таблеток,—
Господь костерит подлеца,—
Приди, корешок-однолеток,
И кровь промокни мне с лица.

Заносчивое мессианство
Поганых равнин и болот,
С чужого плеча окаянство,
Россия, твой блуд и оплот...

Разверста и выбита рама —
Сквозняк и осколки — тот свет.
Дорога, ведущая к Храму,—
Лишь Ветхий и Новый Завет.

Отчизны весёлая тризна.
Топор неподъёмно кровав...
Палачеству — стих — укоризна
И знак неотъемлемых прав,

Которые Бог на скрижали
Занёс, заповедав сынам...
Так тяжко нас мяли и жали,
Что трудно очухаться нам.

Молюсь,.. но о чём ни проси я,
Мечтаю: пусть сгинет Конь Блед,
Чтоб в славе Христовой Россия
Горела бы тысячу лет.

Как молния, бьющая свыше,
Летит изречение к вам:
«Имеющий ухо да слышит,
Что Дух говорит церквам».

Нас вера избавит от тленья,
Нас сладкие слёзы спасут...
Надеюсь, мое поколение
Не узрит Господень Суд.

10 февраля 1989 г.

* * *

Куклёнок, позёр, ходя-ходя
 На нитке висит, не дыша.
 Витальная сила уходит.
 В потёмках и струпьях душа.

В трясучке бумажное тельце.
 Песчинки в картонной башке.
 Какое нехитрое дельце:
 Сломаться в неверном шажке.

Забавник с сердчишком-игрушкой,
 Китайчик с мочальной косой
 Тягаться решил со старушкой,
 Владеющей ловко косой.

Премьер нитяного театра —
 Отравленный, битый, хромой —
 Пиеску сыграл психиатру —
 И еле отпущен домой.

И в ящике душном из досок,
 Смирная тошнотную дрожь,
 Ругает себя, недоносок,
 За силу, за слабость, за ложь.

28 января 1983 г.

* * *

Осипу Манделъштаму

«И у костра читает нам Петrarку...»

Тень улыбки пробежала по губам
 О туманный пророческий зов
 Обвиняется коллега Манделъштам
 В сочинении прелестных стихов

Манделъштам — златоуст
 Искупительная жертва людей
 В имени Вашем слышу хруст
 Переламываемых костей

Жизнь — неразгаданная мольвь
 Смерть — немота пустота
 Ваша немецкая кровь
 Падает в гётев стакан

Вы рассорились с грубым веком
 На него замахнулись стеклом
 Сочинитель пророк педант

Вы под милой фебовой аркой
 Там где ворон зловеще каркал
 Наизусть читали Петrarку
 Рифмоплет трясогузка талант

На балу в салоне в охранеке
 В Петербурге в тюрьме на Лубянке
 Вас хранил белокрылый архангел
 От безумья коварства лжи...
 «Я в мир вхожу и люди хороши...»

Из прихожей Вам калоши
 Принесёт век-волкодав

И вальяжный Макс Волошин
Вас потреплет за рукав

Наше русское раздолье
Наш загадочный народ
«Баратынский из подполья»
Вас в «Собаку» поведёт

Там роскошные таланты
Инсценируют грехи
Там Вы выпьете «Спуманте»
И напишете стихи...

И если мне придётся у костра
Мечтать о миске нищего приварка
То Мандельштама вспомню я сперва
И лишь потом Торквато и Петrarку

1 мая 1966 г.

ЧУДАК — В СУДАК,
КОБЕЛЬ — В КОКТЕБЕЛЬ,
А ДУРАК — НА КАРА-ДАГ.

I. КОКТЕБЕЛЬ

А. М. Р.

Полынный ветер скалами согрет,
Сомкнувшимися будто бы на спевке.
Здесь выпренно дурил жиреющий поэт,
И сбрасывали вес писательские девки.

Библейские проплешины холмов
Излюблены туристами в туниках.
Зов Киммерии. Пыль ристалища богов...
И лом бутылочный на кара-дагских пиках.

Ржаное ржанье краснорожих крикс-варакс.
Желе медуз, сияньем облитое.
Шепните на ухо, ясновельможный Макс,
Не зябко ли лежать под новенькой плитою...

И я там был, и салом прел нутра,
Пил корвалол — не старокрымский допинг...
По вечерам не надевает Пра
Свой молью траченный,
Но импозантный смокинг.

II. СУДАК

Б. Н. Б. (А. Б.)

Бесстыдно светоносное тепло
В подсиненном желе воды и неба.
Слепящий пляж, как тёртое стекло,
Глоток вина и вес буханки хлеба.

Прибоей монотонному внемли,
 Держась лопатками за лоб скалы покатой...
 Се — заповедный уголок земли,
 Где плачут тени скифов и сарматов.

Скатившись в море, наг и бездыхан,
 Разуй глаза на золотое пламя.
 Здесь некогда немывтый крымский хан
 Шитьём шатров тягался всласть с богами.

Воззришь окрест: старухи и скопцы
 Дно боронят хвостом, копытом, рылом.
 Когда-то итальянские купцы
 Тут девок тискали с галантно-потным пылом.

Зри: генуэзской крепости излом,
 Дерзнувший в прах рассыпаться по скалам...
 Внизу торгуют розовым вином
 И дамских прелестей перегорелым салом.

III. КАРА-ДАГ

А. В. А.

Смири гордыню. Помолись. Судьба слепа.
 Доверься инстинктивному уменью.
 Уходит в небо горная тропа.
 Ступай, держась за ветви и каменья.

Три тысячи шагов в палящий зной.
 Неверная щёбёнка колет ноги.
 Из-под надбровных дуг смахни рукой
 Слепящий пот, упав на пол-дороге.

Тропа теряется в камнях, ползи туда.
 Зажмурь глаза на круче перевала:
 Внизу, в полуверсте, кипящая вода
 Бесшумно бьёт в обугленные скалы.

Запомни диво это. Поиграй,
 Побалансируй на ветру над миром...
 Невероятен первобытный рай,
 Расчерченный парящих птиц пунктиром.

Не выбирай проторенных дорог,
 Спускайся вниз по горному распаду...
 Колючки тёрна. Сухо пахнет дрок.
 И под тобой поют в траве цикады.

Лето 1977 г.

* * *

Напьюсь в «сосиску», начудачу
В последний раз и напоказ,
Войду в нетопленную дачу
И отверну на кухне газ.

Баллонный окисел метана
Вдохну, как наркоман дурцу,
Пока посмертная сметана
Не растечётся по лицу.

Небрит, кромешен, неприятен,
Как чёрт горячечный, в углу
Я в диадеме трупных пятен
Валяться буду на полу.

Разбухну жижей разложенья.
Впитают стены трупный яд.
Мне мыши в сытом возбужденье
Глаза и уши отъедят.

Сухие лёгкие сугробы
Мой склеп убогий занесут,
Пока истлевшего без гроба
Не призовет Господь на суд.

И я скажу: Всевластный Претор,
Не верь, не бойся, не проси
Меня,— я — шелудивый ретор,
Немытый пасынок Руси.

Махнёт Господь ладонью старой,
Даст кипятку и табаку,
Укажет тёсаные нары,
Где я угреюсь на боку...

И с губ сотру собачью пену,
Стопы пречистые лизну,
Осознавая постепенно
Немыслимую новизну.

11 мая 1979 г.

* * *

Плётка Волги. Ощипанный бор.
Лакированный теплоход.
Чебоксары. Введенский собор.
Дурно кормленный тихий народ.
Пиджаки, шушуны и платки.
Джинсы здесь у людей не в чести.
Под иконой с лампадкой — лотки
Для даров: ведь сюда принести
Может каждый, что может, и тут
Хлеб и яблоки, сахар и лук.
Денег Богу совсем не кладут.
Он — не мытарь — защитник и друг.
Чуваши по-славянски поют,
Вряд ли вдумываясь в смысл слов.
Стародавний церковный уют.
Обездоленных отчий кров.
Заскочил я в собор, турист,
На каких-нибудь десять минут.
Богородицын взор лучист.
Фрески чёрные: Страшный Суд.
Странный день. Четверток. Первый Спас.
Иисус со взглядом судьи...
Что ж Ты, Господи, их не спас,
Это — братья и сёстры Твои.
Иисусе, во славу Твою
Они бьются башкой об пол.
После смерти Ты им в раю
Предоставишь жилплощадь и стол...
Велелепен посмертный венец
Бессловесной земной туги.
Умоляю Тебя, Отец,
В жизни этой им помощи...
Хора жалоба не слышна.
Взял юродивый свой костыль.
Как Россия моя страшна.
Человечий серый ковыль.

17 августа 1980 г.

* * *

Зачем, естествоиспытатель,
 Ты мнишь, что с Господом — ничья...
 Просеиваешь, как старатель,
 Песок научного ручья.
 Знай, философ и математик,
 Ботаник, химик и теург,
 Что оловянный ты солдатик,
 Который вынул Демиург
 Кипящей лужицей металла
 Их чрева матери твоей
 И бросил остывать в Валгаллу
 Шизофренических идей...
 Бунтующая протоплазма
 В сыром галактики углу,
 Не тщись в словесные миазмы
 Облечь на Господа хулу.
 Экстраполируй, неумеха,
 Естественно-научно смерть.
 Узришь: от дьявольского смеха
 На части разлетится твердь.
 Несчастный раб гниющей плоти,
 Природы каверзный отброс,
 Поймёшь: надежда лишь в оплоте,
 А имя оному — Христос.
 Науки капища служитель,
 Улитка дерзкая и царь...
 Ведь всепрощающ Вседержитель,
 А ты — обоженная тварь...
 Склони жиреющую выю
 Пред животрепетным крестом,
 Услышишь: ангелы живые
 Играют в салочки с Христом.

16 сентября 1979 г.

* * *

Игорю Захарову

Во всём мне хочется дойти
 До оболочки..,
 А не до сути... Все пути —
 Без проволоочки.

Я — раб разнuzданной молвы,
 Царь суесловья.
 «Если угодно» и «увы»
 Мои присловья.

Долил Господь стакан вина
 Мне, недоумку.
 Ничья вина? Моя вина.
 Стакан не рюмка.

Я получил своё сполна.
 Желта монета.
 Ничья вина? Моя вина.
 Прощай, планета.

Туман кровавый застит мозг.
 Живуч я — гнида.
 Теряю сон. Теряю лоск.
 Прощай, планида.

Мой ангел бодрствует в ночи,
 Роняя перья.
 Ты знаешь всё, но промолчи
 Из суеверья.

Стою с протянутой рукой
 У двери рая.
 Бью кулаком, стучу клюкой
 И обмираю.

И у меня, как у крота,
 Закрыты вежды...
 Не вдруг откроются врата
 На зов надежды.

27 апреля 1993 г

* * *

Станиславе Кобычевой

Я довел себя до точки...
 Пепел серный, дым и чад.
 Огненные молоточки
 В голове моей стучат.

Окрылён, смешон, ничтожен
 На линованных листах
 Я пою одно и то же
 В утомительных стихах.

Ангелочки, тихо рея,
 Снегом кроют огород.
 Под настырный лязг хороя
 Водят рифмы хоровод.

Взявшись за цевьё двустволки,
 Подзываю свистом сон.
 За каналом воют волки
 Вразной и в унисон.

Сатанинское уменье
 Рифмовать житейский сор
 Будит страх, недоуменье,
 Омерзенье и позор.

Но истёршийся до ниток,
 Как помойное тряпье,
 Оголтелый недобиток
 Все вострит перо-копье.

Не умывшись, спозаранку
 (Что сегодня, что вчера)
 Протыкаю в небе ранку
 Грязным кончиком пера.

Не заплачу и не охну,
 Не приму ничей совет.
 Поболею, да издохну...
 Чую, чаю вечный свет.

Костоломная эпоха
 Воровски из-за угла
 Идиота-диадоха
 Приласкала, как смогла.

Пусть зудит утробный зуммер,
 Что порвалась жизни нить.
 Я пока ещё не умер!
 Рано жабу хоронить!

От несносной заморочки
 (Утомлён я, нездоров)
 Исцелят пилюли-строчки
 Без рецептов докторов.

Побарахтаюсь... а надо ль?
 Хлопну дверью... что взамен?
 Как в лесном овраге падаль,
 Я валяюсь, супермен.

Обезумевший и жуткий,
 Выползаю из гнезда.
 Тучи. Снег... Но в промежутке —
 Вифлеемская звезда.

25 ноября 1983 г.

* * *

Татьяне Черниговской

Национальный спорт: горелки,
Застолья злая чехарда,
Изысканные посиделки,
Разысканные господа...

И в этой зыбкой круговерти,
В бенгальском чадном колесе,
Я забывал совсем о смерти
И был талантливей, чем все.

Метель с дождём пороли воду
Моих — Фонтанки и Невы.
Я пил стаканами свободу
И был свободнее, чем вы.

Я не боюсь хулы и славы:
В запасе — вечности мешок.
Плесни мне, Антиной, отравы
В щербатый кратер на вершок.

Высоколобые клеветы,
Хоть я — отступник-рenegат,
Надеюсь, русские поэты
Меня возьмут с собою в ад.

Пусть я привержен странной влаге,
Но попадаю в колею...
Ведь я умею на бумаге
Творить вселенную свою,

Где бродят смутные светила,
Где Бог смеётся и грустит,
Где Матерь Божья приютила
Своих подружек Аонид.

8 ноября 1980 г.

ПОЭТАМ ПРОКЛЯТЫМ

...Мещанская драма.
Холуйский смешок.
Судьба Мандельштама —
Барак и мешок.
Морщины. Седины.
Скандалная гнусь.
Гортанью Марины
Пред Богом клянусь.
Партийных буржуев
Имперские сны.
Бугаев и Клюев
Молитесь за ны.
Как майская пчёлка,
Зароюсь в песок.
Ахматовой чёлка
Щекочет висок.
Подобие знака
Мне выжег палач.
Шаги Пастернака.
Шушуканье. Плач.
Приятель, налей... так
На четверть стопца.
Кузминская флейта
Да славит Творца.
Наветы. Запреты
До Судного дня.
Большие поэты,
Простите меня.
Хоть ростом я вышел,
Умом не дошёл.
Позвольте, как мыши,
Проникнуть в подпол
Дворцов химеричных,
Что грезились вам
В трудах горемычных...

Российский бедлам —
Дурдом вездесущий —
Советский Парнас,
Где райские кущи
Взрастили для нас...
Где нож и верёвку
В изящный букет

Сплести с поллитровкой
Сумеет поэт.

2 мая 1979 г.

* * *

Георгию Левинтону

Мне истина разверзлась в Слове.
Возликовал телесный прах.
В славянской, грязной, вязкой крови
Мой храм, мой стыд, мой грех, мой страх.

Бунтует, чёрная, и жаждет
Себя спесиво расплескать.
Душа изъязвленная страждет
Молиться, каяться и лгать.

Мой род глумлив, талантлив, мрачен —
Погромы, войны, мятежи —
И я, последыш, молью трачен,
Иной судьбы не заслужил.

И я, как вы, питаю в сердце
Страх перед Господом Живым,
Презрение к единоверцам
И ужас расовый к чужим.

И мне воздастся полной мерой
За вашу кровь, за ложь, за блуд,
Когда меня в тумане сером
На виселицу повлекут.

И я, в петле забившись гнусно —
Марионетка-арлекин —
Подумаю о том, как грустно,
Что я не сын родных осин.

1 июня 1976 г.

* * *

Светлане и Руслану Вовиным

Верю тысячекратно
 В тождество: бубна, тамтама,
 Троицы и Триратны,
 Мухаммеда и Гаутамы.

Верую: троглодиты
 Станут полубогами,
 Если ушей их Гита
 Коснётся златыми слогами.

Верю: в подземном штабе
 Вне распорядка и правил
 Руку подаст Амитабе
 Грозный апостол Павел.

Дао с путём на Голгофу
 Могут связать воедино
 Только неровные строфы
 В горле стальном муэддина.

Бешеный гений Ислама
 (Меч и Коран — все пожитки)
 Вязью арабской калама
 Вытеснил эллинов свитки.

Друг наступает с Востока.
 Благостно пламя дракона.
 Майя духовного тока
 Плавится в цепи закона.

Истина — горше лимона,—
 К подвигу зависть лелеем:
 К мученику Пантелеймону,
 Что врачевал лишь елеем.

17 марта 1984 г.

* * *

**** бояться...

Иосиф Бродский

Как жулика влечёт за ворот
 В кутузку узколобий мент,
 Меня насильно тянут в город
 В неподобающий момент...
 Мои приладожские Веды,
 Моих брульонов строй и стать
 Не удосужась полистать,
 Меня засудят блоковеды...
 Вострят учёные мужи
 Ножи мясничьи и гужи,
 Беспечной вольности взамен
 Мне предлагая В. М. Н. 1

Чадит соляркою лампада.
 В лесу — двустволок канонада.
 Под горький шелест листопада
 Спрошу негромко: **** надо?
 Невмоготу мне в Петрограде,—
 Так отпустите, Христа ради:
 Пусть сумасшедший Робинзон
 Вкушает сон, пистон, озон.
 Помилосердствуйте, дружки...
 Стреляй! Он дунул за флажки.

Как вольнодумцы-гверильясы,
 Адепты пятьдесят восьмой
 По мою душу точат лясы
 И обшивают ложь тесьмой...
 Неповоротен, как верлибр,
 Мне метит в лоб большой калибр,
 Что поднял тихий ангелок
 (И ворошиловский стрелок).

Браток, где ж вольные хлеба?
Пальба. Пальба. Пальба. Пальба.

Тропинку проторив лихую,
Я ухожу... Ступайте к ***.
В паху колючки, в ягодице...
Мой мех на шапку не согдится.
Я — плотяден. Простокваша
Для вас, не для таких, как я.
Моя душа — душа не ваша.
Моя судьба — судьба моя.

9 октября 1983 г.

* * *

Мне снилось: будто я... — еврей... —
Стою у храмовой калитки,
Из-за распахнутых дверей
Я вижу ризы и накидки,
Платки и колыханье свеч,
Скользящие в проёме тени,
Мерцанье глаз, смещения плеч
У падающих на колени.
И я стою, потупив взор,
В задохе, в судороге, в страхе.
Озноб: поёт церковный хор...
Пот проступает по рубахе.
Чужому Господу хвалу
Поют в неведомом мне храме.
Я на Распятого хулу
Шепчу кровавыми губами.
Вдруг возглас: «Смертью смерть поправ»
Взмывает над кадильным дымом.
Как вор дрожу я, свет украв...
И горе в сердце недвижимом.
Гляжу входящим в храм вослед
От слёз незрячими глазами.
Из храма бьёт незримый свет
Невероятными снопами.
О как мне хочется войти
Туда, в лучи, в Христову славу...
Но нет... Заказаны пути
Тем, кто несёт в себе отраву.
И я разбил души сосуд,
Зашедшись в истеричном плаче...
Меня иначе погребут
И отпоют меня иначе.

1 июня 1977 г.

* * *

Александрю Жидкову

Милорд не скинуться ли нам по рублику
 Купив спуманте пить из боккара
 В холщовом фраке выходить на публику
 Пора мой друг рога трубят пора

Судьба — в вощёнке кислая ириска
 Лизни сорви обёртку и потом
 Ты будешь обезглавлен и изыскан
 Осыпан цветопадом хризантем

Какая гиль! Весна набиты конки
 Звон цепи ржа щебечущий галдёж
 И на шнурке гайтанном у иконки
 Ты вздрогнешь конвульсивно и замрёшь

А впрочем — нет! Оплёванная Фея
 Грядёт разбитой лирою грозя
 Душа твоя — небритого Орфея —
 Распята на серебряных гвоздях

5 мая 1967 г.

* * *

Я отравлен и затравлен.
 Сон утратил и покой.
 На тот свет почти отправлен
 Чёрта праведной рукой.

Демонический экслибрис
 На невышедших стихах.
 Омерзительная гибрис.
 Воспаленье. Боли. Страх.

Неизбывного позора
 Загустевшая волна.
 Что себя убить, что Ору...
 Заплатить за всё сполна.

Был услужлив я и важен,
 И талантлив, как лиса...
 Крест поставлен. Я спроважен
 В залетейские леса.

Никогда мне не собраться.
 Не отмыться от дерьма.
 Неприятнейшая, братцы,
 Получилась кутерьма.

Без запинки, без заминки
 Всех прошу — я — хулиган —
 Превратить мои поминки
 В непристойный балаган.

Инфернальная причуда
 В утомительном бреду...
 Верю в чудо, верю в чудо:
 Я воскресну и приду.

Из-под маски лицемера,
 Подлеца и прихехе
 Зазвенит упруго мера
 В хореическом стихе.

16 апреля 1983 г.

* * *

Я медленно сходил с ума...
Александр Блок

Я сумрачно схожу с ума.
Брезгливо руку жму мильтону.
Тюрьма, бесчестье и сума —
Просроченный билет в Ментону.

Таблеток ржавый шкворень в мозг
Вколочен, фармацевтом мерян.
Меняю масть, теряю лоск,
Как запалённый сдуру мерин.

Белохалатный мажордом
Приветно кланяется в пояс.
Я побарахтаюсь... в дурдом
Не сдамся и не успокоюсь.

Я побреду наверх, где свет
Назойливый и незакатный.
Бонжур, станичники. Привет!
Оттуда нет пути обратно.

А на прощальный посолок
(Мила мне вялая беспечность)
Приму снотворный порошок
На шаг ноги, на бесконечность.

Но всё ж строку я сладить смог,
Отрезать ломоть каравая...
Январский сатанинский смог.
Не сплю, хвораю, умираю.

И обморочное забытьё
Мне кровью заливают бельма.
Мигрень. И в сердце колотъё.
И пляшут огоньки Сент-Эльма.

11 января 1983 г.

* * *

М. М.

У меня в деревне утро —
Дождь прошёл, и ветер стих —
Многомудрое, как сутра,
И прелестное, как стих.

У меня в канале — рыбы,
Крысы-нутрии, бобры.
На лугах — гранита глыбы,
Что волок ледник с горы.

У меня в болоте — утки,
Лоси, клюквенный распад...
Сочиняет прибаутки
Неудавшийся комбат.

У меня в лесу — обабки,
Мухоморы, комары...
Я купил избу у бабки,
Улетел в тартарары.

Я иду тропинкой древней
Меж каналов над водой.
Я горжусь своей деревней,
Как любовницей — Годой.

В огороде — космы ветра.
Ласточки над головой.
Усладительное ретро.
Я — счастливый и живой.

17 апреля 1983 г.

* * *

Старый барин на печи
Чешет... репу.
Не мечи в нас кирпичи
Ты, Европа.

Пронизает лес и дол
Вещим зраком...
Завернёшь ведь ты подол,
Станешь... боком.

Не нахрапом, кувырком
(Чай — не Стеньки)
Что не взяли мы штыком,—
То — за деньги.

Духоносные сады—
Вертограды
Братанам из Воркуты
Будут рады.

Воспаряя, воспаришь,
В бездны глядя.
Очень любят град Париж
Наши... дамы.

Ша, Европа, тишь да гладь.
Охи, смехи.
Любишь деньги, то-то,... дрянь,
Чуешь вежи.

...Ужасы. Напасти.
Русь, свечой горись.
Нет Советской власти,—
На... хрен мне Париж.

Август 1996 г.

* * *

Виктору Сальникову

В Петергофе светит солнце.
Плещутся фонтаны.
Ошалелые японцы
Прут, как тараканы.

Парадизы, клумбы, грядки,
Дали, виды — дивны...
Буржуазные порядки
Глубоко противны.

Над Версалем светит солнце.
Плещутся фонтаны.
Ошалелые японцы
Прут, как тараканы.

Парадизы, клумбы, грядки,
Дали, виды — дивны.
Большевистские порядки
Глубоко противны.

Август 1996 г.

* * *

Сыну, внукам

На цивильной кухне возле бака,
Рядом с мисками воды, еды
Помирает старая собака...
Слишком долго не было беды.

Откатило лихо понарошку.
Пульс спортсменский. Сердце не болит.
Глажу кардиологиню-кошку...
Русь несётся в бездну, как болид.

Пёс хворает долго и натужно,
Держит бой, как веры паладин.
Ничего уже ему не нужно.
Чистый дух. Упрямство. Бог один.

Верю в то, что в Царствии небесном —
Есть стихи, и водка, и табак —
И что встречен буду я прелестным
Сонмом своих кошек и собак.

Не хочу с Дзержинским я кумиться
Ни на этом свете, ни в аду.
Кровь курится. Зарево дымится...
Выборы случились на беду.

Я учусь простой собачьей воле:
Не сгибаться, подниматься в рост...
Родина недужит. Много боли.
Мы... Они... Не сложен выбор, прост.

Жизнью битый, я — пацан не хилый —
Чашу мимо уст не пронесу.
Дай мне, Отче, ровно столько силы,
Сколько дал Ты маленькому псу.

Повелитель бесов-хулиганов
Адские врата приотворил.
Серой пахнет... Но пока *****
Ничего ещё не натворил.

Приснодева, думай о России,
Будь к ней милосердна, не строга...
Вижу: как сквозь лоб у лже-мессии
Лезут вельзевуловы рога.

Красные накатывают с гулом,
Корчатся, беснуются, смердят...
Я умру, как дряхлый пёс под стулом,
Если коммунисты победят.

Шалости, побасенки и частности.
Тонет всё в запойной лживой мгле.
Граждане, отечество в опасности:
Наши танки на своей земле.

26 мая 1996 г.

* * *

Друзей старинных страшно хоронить
Вальяжных, молодых и полупьяных...
Оборвана узорчатая нить
Ковра судьбы Леона Карамяна.

Откуролесил баловень небес.
Ревнивы, как халифы, наши боги
К тем, кто хотя б на полчаса залез
В их пыльные гаремы и чертоги.

Ты — Дягилев несносной кутерьмы
Людей и женщин, что тебя пленили.
Те — за кордоном, здесь остались — мы.
Как чемпион, ты первым лёг в могиле.

А помнишь, как дурачились взахлёб,
Вскрывали вены, гужевались, пили.
Ребяческий полузабытый трёп.
Скандальные побасенки и были.

Где юность комаровская твоя?
Где девочки щебечущие наши?
Зачем ушёл ты в горние края
И вспомнил что, отпив из смертной чаши?

С тобой уже беседует Харон,
Забыв про немоту и озверелость...
И я пойму в тумане похорон,
Что молодость ушла, приходит зрелость.

Насельник многочисленных стихов,
Приятель сумасшедшей моей музыки,
Во отпущение твоих грехов
Помолятся в церквах всего Союза.

Каких грехов! Ступайте, бесы, вон.
Слетайтесь, ангельские легионы.
Звездой взошла душа на небосклон
Раба Христова, отрока Леона.

Ты был, как чёрный лебедь, одинок
В кудахчущей куриной белой стае...

Ты ведал всё: и свой короткий срок,
И жёг свечу, и ярый воск истаял.

7 сентября 1980 г.

* * *

Я вернулся из колхоза
Злой, печальный и больной,
Отупевший от наркоза,
От утраты роковой.

Друга мы похоронили
В лёгком цинковом гробу,
Вместе с ним в песок зарыли
Нашу прежнюю судьбу.

На поминках ели, пили,
Кто-то плакал, кто-то лез...
Отвратительные были
Нам подсунул мелкий бес.

Грудь — продавленная клетка.
Сердца тихие шажки...
Прозвенел звонок. Соседка
Принесла свои стишки.

Я сказал: мне дурно, горько,
Дел к тому ж невпроворот.
А она в ответ мне: — Борька
Мой нажрался, идиот.

Русская — оно — неплохо.
Понимаю, грешен аз.
Прогрессивная эпоха,
Символ оной — смертный газ.

Сразу призвуки металла
Утерял мой робкий глас...
Мне стихи она читала
Про рабочий класс, про нас,

Про такую гнусь и гадость
(И за родину в бою),
Что я сразу понял радость
От того, что ты в раю.

Белоснежные воскрылья.
Бесконечности веков.
Воплощённые усилия
Вековечных дураков.

В завершенье пантомиме —
Прочитала — мудаку —
«Реквием по дяде Фиме»,
Кой вставил я в строку:

«Ефима Львовича не стало
Его обратно не вернёшь
Хоть сердце биться перестало
Природу вспять не повернёшь

Горит огнями крематорий
От ветра стонут провода
Ефимыч ты ушел из жизни
Но из сердца никогда»

Проводив соседку Софку
(В помраченье-наяву)
Думал крепкую текстовку
Как-нибудь переживу...

Завтра буду я в колхозе —
Смертный, старый, молодой —
И повешусь на березе
«Над серебряной водой».

11 сентября 1980 г.

* * *

Я спал. Проснулся, вздрогнув вдруг
 Как при ударе грубом тока...
 Два тесных года в гробе друг.
 Беспечное дитя Востока.

Нет, не засох и не поблёк
 Под плугом Мнемозины вздорной
 Твой судьбоносный стебелёк
 На тощей ниве стихотворной.

Русак в бешмете. Армянин,
 Затянутый в колет жилета,
 Как офицер и дворянин
 Ты принял смерть в молодые лета.

Неизъяснимый пируэт
 Судьбы, отнявшей жизнь в рассрочку,
 Тобой обласканный поэт
 Прилежно втискивает в строчку.

Фотографический фантом
 Двоится над столом на даче...
 В мой деревенский утлый дом
 Войди, порадуйся удаче.

Свеча погасла. Ночь тиха.
 И внятен залетейский голос.
 Тобой возвращенного стиха
 Проклюнулся зелёный колос.

3 сентября 1982 г.

* * *

Герману Гессе

Опять над литою строкою
 Качаю башкою седой.
 Оставьте меня в покое
 Вдвоём с неизбывной бедой.

Придурок, я думал: нас двое.
 Осечка. Один я. Один.
 Беззвучно утробно завою
 И выгрызу дырки дробин.

Свистела, взрывалась и крепла
 Фонемная звонкая вязь.
 Сгорела. А горсточку пепла
 Сдул ветер в житейскую грязь.

Поэт изрешечен навывлет.
 В чём теплится душка-душа?
 Проклятые бесы, не вы ли
 Сценографы всех антраша.

Я в волчьем колледже задачник
 Любви не сумел одолеть
 И сдуру кусал, неудачник,
 Судьбы костоломную плеть...

Один я. Беззубый и лысый.
 Мех вытерся. Нечем жевать.
 Торопятся жирные крысы
 Живого меня свежевать.

Как лист из разорванной почки,
 Я выну из шкуры скелет...
 Господь мне за странные строчки
 Даст лишний — до рая — билет.

24 января 1982 г.

* * *

И вновь родные пустоплясы
 Вещают без обиняков.
 Звенят отточенные ляды,
 Как тесаки у мясников.
 Опять меня обстали бесы,
 Щекочут, говорят мне «ты»...
 Как сбросить ветхие завесы
 И вырваться из темноты
 Туда, где Господа лампада
 Незримым пламенем горит,
 Где за оградой вертограда
 Цветут деревья Гесперид,
 Где Вакх с Христом бредут в обнимку
 С Мо-цзы и Буддой наугад,
 Где сквозь лазоревую дымку
 Просвечивает Божий Град,
 Где херувимы и амуры
 Пьют залетейский оранжад...
 И где за собственные шкуры
 Высокомерно не дрожат.

7 марта 1981 г.

* * *

Д. Л.

Трухлявых венцов сладковатая прелость.
 Дырявая крыша. Чахотка стропил...
 Прощай, моя радость. Прощай, моя прелесть.
 Харону обол я сберёг, не пропил.

Прощай... Моё счастье. Мой ангел кудрявый.
 Я в душу нырнул, как в колодезный сруб.
 Я — сильный и слабый, литой и дырявый,
 Крылатый бессмертный разрубленный труп.

Прощай... Моё солнце. Любимая. Душка.
 Медвяного тела вселенский пустяк...
 Могильной плитой навалилась подушка
 На хрупкий, звенящий, как флейта, костяк.

Прощай... Эвменида. Рабыня. Тиранка,
 Прогрызшая в сердце гноящийся лаз.
 Банален, пахуч, как сухая таранка,
 Вишу на верёвке, продетой сквозь глаз.

Прощай... Златоперстая вестница рая.
 Прости запоздалый нелепый кульбит.
 Никто не поверит... Но я — умираю:
 Мой череп стрелой Аполлона пробит,

И мозг вытекает прогорклым кефиром
 На склизкие доски, Творца осрамив...
 Я правил бездумно фонемным эфиром,
 И, как пластилин, мне податлив был миф.

Прости — моё утро — любви заморочки.
 Мой дар судьбоносный — лишь студень из жил...
 Бездарные строчки, бездарные строчки
 С тугой и натугой тебе я сложил.

8—9 января 1984 г.

* * *

За что Господь меня сподобил
Понять загадку тихих снов
О том что мир наш лишь подобье
Иных неведомых миров

Где вне времён пространств материй
И вне логической игры
В огне космических мистерий
Клубятся новые миры

И где не в нашей тесной сфере
А в холоде эфирных гроз
Сразятся ангелы и звери
Когда восстанет в плоть Христос

24 марта 1966 г.

* * *

Владимиру Соловьеву

Камо грядеши народ мой камо грядеши
Народ мой печальный в тоске изначальной
Короб небес проломился
И в огненной брещи
Отрок грядёт сребролицый
В порфире венчальной

Было: крамола и глад и кромешная смута
Казнь духовидцев побитие жен-мироносиц
В бархатном рубище
С нищей клюкой и разута
Корчилась Русь за решёткой своих чресполосиц

С утра России до света как Эос с востока
Ждали тебя и грызли железные хлебы
Ты воплотившись
На краткие годы в пророка
Вновь отлетел на своё недоступное небо

25 октября 1966 г.

* * *

С. В.

Не бормотушник, самогонщик
И не коричневая пьянь,
А друг мой старый, автогонщик,
Пришёл ко мне в крутую рань.

Принёс дурацкие пластинки,
Сел, закурил, затосковал...
И дымной юности картинки
Нескладно перетасовал.

Я вспомнил всё до боли резко
Таимой памятью нутра:
Мальчишеская газорезка,
Фрондерство, шалости, игра...

Ведь сквозь браваду благородства,
От коей всякий полупьян,
В нас прорастало первородство
Небитых первороссиян.

Мы были чистыми, как вата,
В простреленном паху страны.
Какая ж курва виновата,
Что нет в нас прежней белизны?

Года исчиркались, как спички,
Предложенные холуём,
Но по мальчишеской привычке
Все балагурим, водку пьём.

Глотаем зелие на вдохе
И вырубаемся навзрыд,
Седые скауты эпохи,
Утратившие стыдный стыд.

А прежние друзья, товарки,
Почти ушедшие во мрак,
Нам ставят банки и припарки
Словесные... им проще так.

Как горько верить... быть мне пусту,
Пусть пробкой вылетит душа,
Что променяли на капусту
Былое наши кореша.

Дорога номер два: ухабы,
На финише — гробы в венках,
И наши жалостные бабы —
И в ссадинах, и в синяках.

Пили вперёд, жизнестроитель,
Неистовый Автомедон,
Я — сочинитель, ты — водитель,
А после нас — Армагеддон.

А ужли будет передрыга:
Мираж, мандраж, кураж и блажь —
Я, твой надежный штурманяга,
По карте подскажу вираж.

6 августа 1979 г.

* * *

Михаилу Кузмину

Рютбеф ростбиф — на крайний случай шницель
совсем некстати: аз есмь Бог
бутылка белой в полпивной и Шницлер
а на закуску — устриц и Рембо

халда Халдея Александра миф
полтинник за бритвѣ бородки
ночѣвка в грязном околотке
и запах бактрианских слив

Шабли поджаренная булка
на Невской башне бьют куранты
прохаживаются в закоулках
накрашенные дилетанты

французской речи милый плен
из «Вены» счет — на честном слове
и в голубом сплетенье вен
постукиванье вязкой крови

брусчатый лоб того моста
где продают горячий сбитень...
О мэтр над сению креста
благословляю Вас... и спите

7 ноября 1967 г.

* * *

Михаилу Генделеву

Прогорклой взрослостью подступит седина
к виску души и вытечет из уха
пеньковый хлеб души зальдевшая страна
бесовское смещение духа

одических стихков хромающая рать
телесное непостижение Бога
читатель-слушатель мне хочется сказать
и про тебя и о себе немного

серьезный разговор с эпохой тет-а-тет
противен мне как ремесло хирурга
паясничал я целых тридцать лет
под вымышленным небом Петербурга

я сопричастен мороку скорбей
когтивших шкуру Индии духовной
посечены мечом и не собрать костей
в воспоминаниях греховных

развеян склизкий тлен убитых мотыльков
сданы в утиль позорные страницы
но посещают снятый мной альков
теней и душ ощерившихся лица

ведь с кровью выблевав жемчужное зерно
державной мамой данное в сиротство
я в ужасе почувствовал... оно
вновь прорастает в генах первородства

никто России не бежал... увы
не перегрыз дубовый лак конуры
одни далече... их пожрали львы
другие здесь... их поклевали куры

24 июня 1977 г.

* * *

Б. П.

Сегодня встали мы с тобой
Изрядно рано.
Дождь за стеной играл с листвою,
Лил, как из крана.

Я думал: Боже упаси
Нас от запретов.
Когда ж родятся на Руси
Опять поэты.

Чтобы писали наугад
И без оглядки,
Как каменщики знали б лад
В фонемной кладке...

Они придут, они взойдут —
Лет через тридцать —
И нас за пазуху заткнут,
Как рукавицы.

Я им шепну, я им скажу,
Я им отвечу:
Я метил первую межу,
Я — ваш предтеча.

Я изbleвал гортанный гной
В бреду, в задохе...
Пусть я всего лишь перегной
Для той эпохи.

Я — пьяница и дурачок —
В своей отчизне.
Но всё же я — первотолчок
Для новой жизни.

Стишки мои на чердаке
Бегут от смерти
И на «чужом черновике»
Свой путь отчертят.

27 июня 1980 г.

* * *

Прав собачьих яростный поборник,
Кошками избранный в хурал,
Я хочу хотя б обнюхать сборник
Текстов, что небрежно намарал.

Смрадный черновик дороже ока...
Длани, вязкой кровью налитой...
Почему наказан столь жестоко
Я строконаборной немотой.

Вялые бесовские смешинки.
Мания рифмовки наугад.
Звяканье трофейной пишмашинки —
Жалкий словолитни суррогат.

Лживы утешительные бредни,
Мол, брульоны втуне не горят...
Словно пьяный поп слова обедни,
Забываю прежний звукоряд.

25 декабря 1982 г.

* * *

Виктору Кривулину

Мы — перед тем, как онеметь,—
 Сухую истину постигли:
 Стих — взбунтовавшаяся медь,
 Перекипающая в тигле...
 Вдруг с переплеском потекла
 Всё сожигающая лава.
 Сквозь копоть колкого стекла
 Глядят на диво смерть и слава.
 Вот запылал бумажный лист,
 Испакощенный письменами,
 Что неумытый стрекулист
 Между виденьями и снами,
 Востря перо, запечатлел —
 Счастливый, как баран в кошаре...
 Столетия огонь подспудно тлел,
 Став искрой в бешеном пожаре...
 Той самой, что зажгла костёр,
 Где чёрт печёт в золе картошку...
 И к пламени Господь простёр
 Свою зазябшую ладошку.

31 августа 1989 г.

* * *

Кс.

Над заштопанным прошлым
 Ни к чему мудровать,
 Коль стал глупым и пошлым,
 Как тройная кровать.

В суете муравейной,
 В одиночке избы
 С вязкой смазкой портвейной
 Я сорвался с резьбы.

Ненавистная служба:
 Что ни день, так удар.
 Живописная дружба:
 То проклятье, то дар.

В горле рвотные крошки
 Сдобной булки земной.
 Лишь собаки и кошки
 Безраздельно со мной.

Моя бедная Ора
 (Я — неправедный муж)
 Скандальёзного ора
 Не стесняется уж.

Человечка б, словечка...
 Фитилёк мой погас.
 Рвёт траву, как овечка,
 У крылечка Пегас.

4 июня 1983 г.

* * *

МарфиНьке

Кудель косматую годов
 Расчесет глупой Мойры гребень.
 Гортанный переплеск ладов
 Поглотит пламенная темень...

И с inferнальным багажом
 Ты выскочишь на полустанке,
 Свернёшься на земле ужом,
 Угрев собой мои останки...

Я в трубку выйти дам листу,
 Колючки пробужу от лени,
 Чертополохом прорасту
 И обовью твои колени,

Смешно заухаю совой,
 Взлечу ночной эфемеридой,
 Заплачу мышью полевой,
 Прощу посмертные обиды.

14 марта 1978 г.

* * *

*Николаю Клюеву,
К. А.*

О, христотерпец, выговский вещун,
 Запечник каргопольский, щур нарымский,
 Омыть стопы твои тебя ищу.
 Сымай суму, ставь посох пилигримский.

Не сигом по Сухоне лупит рок,—
 Литою гирей бьёт под вздох и насмерть...
 Вертайся вниз, ступи на мой порог,
 Как в струпьях нищий на резную паперть.

Что видел в белой Индии своей?
 Что насбирали «анделы» в котомку?
 Словес-смагдамов горсть не пожалей
 Безбожному и скучному потомку.

Апостол Пётр, наверно, засушил
 Тебе в дорожку сладкую морошку.
 Ты жил, как умер, и, как умер, жил.
 Попей чайку, погостевай немножко.

Повой, родимый, вьюгою в трубе,
 Как кот запечный, поскребись о стены,
 Поведай, замогильный гость: в судьбе
 Какие ожидать мне перемены.

Перекрести набрякшею рукой,
 Не хмурься на табачный запах пыли.
 Помолимся вдвоём за упокой
 Тех, что своё уже давно отжили...

Встаёт, рукою опершись на стол.
 В глазах — огонь, всесветно бьющий с неба.
 Уходит тихо, смачно плюнув в пол...
 Под скатертью — в тряпице — пайка хлеба.

11 августа 1977 г.

* * *

В хрущёвско-блочную беседку
С женой дорожку проторив,
Я коммунальную соседку
Боготворил, обматерив.

Подныривая в чьё-то ретро —
Булгаковский ажиотаж —
Делил на кухне дециметры,
Уверовав в благую блажь.

За коридорную картошку,
За лампочку в пятнадцать ватт
Взаправду, а не понарошку
Орал я родине виват.

Гиньольно-фарсовая сценка
(Жиличек театральный зал),
Когда пробойником я стенку
И дюбелями пронизал.

В саду бухие крикс-вараксы
Бутылки чмокали взасос.
На нашу рыженькую таксу
Писала бабушка донос.

Кондовый новый участковый
Под хруст наглаженных манжет
Усваивал сей бестолковый,
Но не бесхитростный сюжет...

Как в коммуналке нашей мило...
Не дай мне, Господи, пропасть!
Ведь и отдельные могилы
Отменит скоро эта власть.

8 июня 1979 г.

* * *

Соседка гремела в тазы
На кухне и харкала в мойку.
А я листал Чжуан цзы,
Развратно улегшись на койку.

Старуха жарила корки
И хрумкала их потом.
Я строчек-раковин створки
Разламывал пером.

Шизоидные торосы
Раскалывая с трудом,
Не пишет она доносы:
Её напугал дурдом.

Чернильно-словесную жижу
Не льёт намеченным в пасть...
Господи, я ненавижу
Её, как фашистскую власть.

Откуда такое чудо?
Богатый какой типаж!
Не может меня, паскуда,
Взять на свой карандаш.

Заржавели трупные крючья,
Обрызганные слюной.
Повадка осталась паучья,
Но яд превратился в гной.

Не можешь меня повесить,
Распять и колесовать.
Приятственно мне, повесе,
Стиха звукоряд ломать.

Мерзостна и убога,
Постигшая Дао и дэ,
Должно быть, народу много
Спроведила в НКВД.

Распухших костей бряцаньем
Косую спугнуть сумей.

Я — жизни твоей отрицанье
А ты — поруганье моей...

28 октября 1979 г.

* * *

Т. - Ю. - К. - И.

В суете и кутерьме
Не до слёз и смеха.
Друг в могиле, друг в тюрьме,
Друг туда уехал...

И печальный, и седой,
Трезвый, не похмельный
Я кумекал над бедой
Долгий срок недельный.

Хоть беда и не моя,
Рвёт на части душу...
Ледяная колея
Сквозь метель и стужу.

Ласковые господа,
Братики-сестрички,
Натуральная беда...
Не испить водички,

Водочки не полакать...
Ангелы и беси !
И Господня благодать
Ничего не весит.

Стелит жёсткую постель
Пакостное лихо.
Обморочная метель
Подпекает тихо.

Вьётся сухонький снежок.
Горюшко подпёрло.
Мне железный сапожок
Наступил на горло.

Застят взор из-под бровей
 Льдистые иголки.
 Алчут кровушки моей
 Человековолки.

Не пробиться никуда.
 Нет того разбега...
 Настоящая беда,—
 Как дольмен из снега.

Воят чёрные ветра
 Зло и одичало.
 Надо ехать со двора,
 Начинать сначала.

6 января 1981 г.

* * *

Был вечер *****... Телевизор
 Его, как шведский стол, сервировал
 Поэт куражился: капризные репризы,
 Как рыночная баба, выдавал;
 Манерничал продуманно пластично,
 Плескался омулем в цензурном котелке,
 С улыбкой скорбной женщины публичной
 И с кукишем, зажатым в кулаке.
 Вийон сибирский, хлопчик, сучий потрох.
 А ведь ему уже под пятьдесят...
 Всё так же порошок зубной за порох
 Нам вольнодумцы принимать велят...
 Как распинался он лужёной глоткой
 За родину, за вольность, за народ.
 И как полосовал словесной плёткой
 Процеженный блатной московский сброд.
 Бард малограмотный, всяя Руси заступник,
 Печальный страстотерпец-потаскун,
 Сознательный растлитель и преступник,
 Дозволенной поэзии сегун —
 Хрипел и приседал, и задыхался,
 И, в раж входя, себя колесовал,
 И под конец так гнусно обмарался,
 Что даже зал в ладошки заплескал.
 Мишень и средоточье русской боли,
 Советский кривогубый соловей,
 Что знаешь ты о нашенской юдоли?
 Ты пой и пей, да дело разумей.
 Лакей и лицедей, ты столь нескромен,
 Что микрофон краснел, как светофор.
 Квасно, красно, неслыханно погромен,—
 Надменной музы язвенный позор...
 Слагай свои убогие эклоги,
 Печатай миллионным тиражом.
 Российские поэты-полубоги
 Прирезаны разбойничьим ножом.

А вы, ценители словесных исхищрений,
 Гурманы соловьиных языков,
 Внимайте: се — национальный гений —
 Вам за грехи и до конца веков.

24 марта 1979 г.

* * *

Плодящаяся деревенщина
 В словесности... Ажиотаж.
 Дозволенная экривенщина.
 Вольнолюбивый эпатаж.

Плуты, кликушеньки базарные,
 Расхристанные апаши...
 Не за кредитки гонорарные,
 Писатель, для души пиши.

Горит медаль лауреатская,
 Как сатанинское клеймо...
 Оставь свою повадку *****,
 Провравшееся дерьмо.

К чему натужно россиянина
 Вздывать на шаткий пьедестал,
 Уэллсовского марсианина,
 Что кровь лакать не перестал.

Аксессуары: водка, воблочка,
 Душевный говор закута...
 Шовинистическое облачко
 Вокруг имперского кнута.

Хмельные слёзоньки бесстыжие:
 На торге каяться не трусь...
 Глумливо — ряженые-рыжие —
 Оплакивают труп твой, Русь.

Национального достоинства
 Ревнителю, ступайте вон.
 Христово ангельское воинство
 Не пустит вас на тот амвон,

Где мученики и угодники
 С собой и с Господом в ладу...
 Отступники и греховодники
 Исчухнут в пепельном аду.

2 сентября 1982 г.

* * *

Константину и Звиаду Гамсахурдиа

Как-то зябко мне, душно и плохо.
Сквознячок inferнальный, как пар...
В кабаке свою пховскую чоху
Я оставил вчера за динар.

Нас принудить к несправедной вере
Возмечтал исламил Альф-Арслан.
Азнауры мои, хевисбери,
Неспокоен опять Лазистан.

Царь царей, Авшанидзе Глахуна,
Бог и раб кровожадных химер,
Уплачу смертоносную куну
Я за душу твою, Чиаббер.

У Христа моя кроткая Тихе...
Собирает войска спасалар.
За победу мы пьём в Уплисцихе
Под узорчатой тенью чинар.

Ждёт в веках несказанная слава
Тех, кто в битвах положит главы.
Мандатуры мои, эриставы,
Харалужные латные львы.

Чтоб в бою вы не осоловели,
Подниму я за вас турий рог...
Стой незыблемо, Светицховели,
Осиянный Господень чертог.

Сельджукиды, язычники-твари
Да склонятся под игом мечей...
Пусть купается каменный Джвари
В водопаде незримых лучей.

25 октября 1980 г.

* * *

Из всех вероятностных множеств,
Стасованных веком в пасьянс,
Я выбрал: шестерку ничтожеств
В системе людей де сиянс.

Пишу ахинею и дичь я
(Снедает тщеславья азарт),
Меняю частенько обличья,
Как шулер рубашки у карт.

Суконный колпак лжепророка
Надёжно мне уши закрыл.
И, право, какая морока
Выдёргивать перья из крыл.

Из крыльев, как учит учебник
Такого, как я, дурака.
Плевать: тупорылый нахлебник
Не знает азов языка...

Безжалостны, злы и летучи
Виденья. Я ими томим.
На Ладожском озере тучи
Клубятся над домом моим.

Там лоси живут и еноты.
Там рыбой сверкает канал.
Иные, мажорные ноты
В себе я впервые узнал.

Душа — полигон червоточин —
Здорова всего лишь на треть.
Мой дом удивительно прочен,
И в нём я хочу умереть.

5 мая 1981 г.

* * *

Ей.

Ветер свищет, рыщет, вертит
 Листьев ржавое рыжьё.
 На сто вёрст один, поверьте,
 Я — две кошки, пёс, ружьё.

Лупит дождь в огрызки ставен
 Утомительно не нов.
 И ревёт всю ночь «Коль славен...»
 Хор озёрных бурунов.

Размышляю о Плутархе,
 Разводя зубцы у пил.
 А гадючью мысль об Архе
 Я в канаве утопил.

Бесы, когти берегите,
 Уползайте за кордон...
 Медитации по Гите
 Рвут небес сырой картон.

Огнедышащая сфера
 Фейерверком рухнет в ад,
 Коль любовь, надежда, вера
 Не задержат камнепад...

Допотопная коптилка
 Освещает белый лист.
 Жив пока ещё курилка,
 Виршеплёт и стрекулист.

Простучал мотором глассер
 По каналу, вдоль куртин.
 Я нанизываю бисер
 Снов, видений и картин.

Принцепс — в избяной державе —
 Повелитель мух и крыс —
 Я бубню: — Осанна, Аве
 Тем, кто чрево мне изгрыз...

Одинок, я прячусь в лузу,
 Как бильярдный вёрткий шар,
 Страстно жду ворчунью-музу,
 Ворошу поленьев жар.

Сероглазая планета
 Всходит над печной трубой...
 Никого на свете нету:
 Ты да я... и я с тобой.

4 ноября 1983 г.

* * *

Как мышь, залезу в перепревший стог. —
 Видения, таблетки, переплясы. —
 Меч отзвенел, я подвожу итог.
 Не всё ж точить неугомонно ляды.

Я жрал и пил на жизненном пиру,
 Тянулся к вологодскому стакану.
 Не изменив ни другу, ни перу,
 С подмостков жизни хрустко в Лету канул.

Пошли круги по бешеной реке.
 Я выплыл, как гнилая половица.
 Но ангелы в разбухшем старике
 Не узнают пророка и провидца.

Мне повезло. Я не пошёл ко дну,
 Обматюгав Гермеса и Харона.
 Я б отдал сорок жизней за одну —
 Обычную — без плахи и короны...

Ночь на излёте. Зенки утомив,
 Строчу стихи в тетрадке без оглядки.
 Переводной картинкой сохнет миф:
 Я — несравненный капитан Лебядкин.

Бог посылает содомитам СПИД,
 Проказу — тем, кто песенки слагает.
 Но Беатриче десять лет не спит,
 Меня спасает и оберегает.

Живя в раю морозных вьюг и хляб,
 Бежав от суесловья и злословья,
 Я допустил непоправимый ляп,
 Брульон судьбы испачкав жирной кровью.

Сорвав лекарств узорный капюшон,
 Стучусь виском простреленным в ворота,
 Самонадеян, жалок и смешон,—
 На обормота нету укорота.

Фуфайка. Табачок. Сольцы щепоть...
 Грехов тугих весома гирлянда.
 Возьми меня на «общие», Господь,
 Я отслужу и пайку, и баланду.

Стихов моих одическая рать.
 Дурдомские хворобы и заботы.
 Аз верую: не тяжко умирать,
 Но смерть — такая нудная работа.

5 декабря 1986 г.

* * *

Вас распустили по указу,
Смастряченному холуём,
Чтоб чумоносную заразу
Вы унесли за окоём.

Приказ был дан шагать не в ногу —
Нерастолкованно нелеп —
Вам не прогатили дорогу,
Не испекли с изюмом хлеб.

И, сняв с довольствия поротно,
Дав благодарно по рогам,
Вас обрекли бесповоротно
Апостолическим трудам.

И тронулись, и побежали,
Крича на птичьем языке,
Неся заветные скрижали
Брошюркой тоненькой в руке.

И растеклись по Ойкумене
Тьмы жён, манипулы мужей,
Чтоб тесто душ кроваво пенить
Чужими пачками дрожжей.

И клеветать, и лицемерить,
Пытать, прощать, казнить, плясать,
Принудить всех к животной вере
И руку грязную лизать...

Чтоб над ликеем и амбаром
На вековечные года
Прорей дьявольский лабарум
Алчбы и рабского труда.

25 октября 1978 г.

* * *

Максимиллиану Волошину

Прожив неполную неделю
Под Кара-даговой грядой,
Я уезжал из Коктебеля
С такой щемящею тоской,
Что увлажнялось сердца око
Слюною с кровью вперемеж...
Под дуновеньем нежным рока
Я ощутил такую брешь
В себе, в судьбе, в житейской вере...
Самокопание — чума!
Вот и воздалось в полной мере
Мне за прельщение ума...
Как сладкопевец Сирина, вежды
Я закрывал, болтая дичь,
Свои нелепые надежды
Пытаясь коротко обстричь.
Каким-то полоумным тёткам
Читал с листа крутую ложь,
Соображая очень чётко,
Что пропадаю ни за грош...
И словно желтохвостый кенар
Чего-то верещал, свистал,
И как провинциальный тенор
Автографы я раздавал.
Кому-то мерзко улыбался
Всё не попад: то да, то нет...
Каким я был, таким остался,
А мне почти что тридцать лет.

1 июня 1977 г.

ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО К НИНЕ ПЕТРОВСКОЙ

Д.

Всё бросив и уехав в Нижний
 Забыться в площадной гульбе
 Я — хулиган и трутень книжный —
 Скучал и думал о тебе

Как ни играй с собою в прятки
 Как ни юродствуй и ни лги
 Приходят святки — взятки гладки —
 Помилуй мя и помоги

Мороз и толчея у стойки
 Похмелье... вьюга над Венцом
 Я еду к Метнеру на тройке
 С глухим до боли бубенцом

В багете в кабинете Гете
 Сияет рамой золотой
 Хозяин в бархатном жилете
 Нальёт мне рюмочку простой

Нальёт мне рюмочку... я выпью...
 Как Валтасарово кольцо
 Над пьяной и угарной зыбью
 Возникнет милое лицо

Ну — бес — загадочно и лестно
 Беду мне новую сули...
 Звучи — единственная песня
 В метельной иглистой пыли

Пусть пляшет в сердце ретивое
 Где тонко — там порвется нить
 Есть нечто роковое, злое
 В том что нельзя соединить

Всё бросив и уехав в Нижний
 Забыться в площадной гульбе
 Я — хулиган и трутень книжный —
 Скучал и думал о тебе

8 ноября 1972 года

* * *

Александрю Богатыреву

Мой путь не извилист, но кляузен.
 Судьбы незатейлива лепка.
 Как тот пресловутый Мюнхгаузен,
 Я спутан тенетами крепко.

Барон, мы теперь в обороне.
 Как Вы, я — бездельник и псих.
 Веди же меня, чичероне,
 По саду видений своих.

Барон, мы сейчас в нападенье.
 Остроты опасней клинка.
 Что толку в паденье, в раденье
 Скулящего нервно щенка.

Барон, мы на пире... — В сортире
 Вонючем и тесном, как гроб.
 Сбренчать бы на лире, но в тире
 Мне кто-то прицелился в лоб...

...Обрушится снежной лавиной
 Заёмное лживое кредо
 И станет для нас с половиною
 Эрзацем шотландского пледа.

27 декабря 1981 г.

* * *

*Юрию Живаго**"Я гордый римлянин эпохи апостата..."*

Фёдор Сологуб

Во сне свинцовой яростью метнутся
 На нежный берег алые валы
 Из чадной печи хмурых революций
 Приветливо рукой махнете Вы

Стальной ланцет стального катаклизма
 Вносила ввысь державная рука
 Вы спрятали останки гуманизма
 Под саваном Ванятки-дурака

Исторгнув искры грозное кресало
 Зажгло пожар неслыханнейших смут
 В огне шипело человечье сало
 Вы шли — как Он — на каиафов суд

Брат на врага кретин на супостата
 Поднялись закружившись в вихре бед
 Как римлянин эпохи Апостата
 Все понимая Вы сказали «Нет»

Кровавый пух разрубленных воскресий
 Припудрил Ваш батистовый хитон
 Когда надменно топоры рептилий
 Долбили среброглавый Киферон

Сегодня мы — печальные потомки
 Как крысы в отгоревших закромах
 Обшариваем пыльные котомки
 Оставленные Вами впопыхах

8 ноября 1968 г.

* * *

Эллису (А. А. Кобылинскому)

Скрипят миры под властью Божества
 Юродствуют в истоме смертной твари
 О вечность — знак Христова торжества

С тобою смерть у изголовья — в паре...
 Поставлен духу яростный препон
 Душа во мне как фитилёк в нагаре

Эфирный хлад объял со всех сторон
 Утеряны взыскуемые нити
 Уходит ввысь глаголов вещей звон...

Я отдохну, а вы «друзья» плывите...
 Куда мне плыть... куда ни кину взор
 Везде свинья копаётся в корыте

О слабый дар мой радость и позор
 Стихов моих тяжеловесных влага...
 Сужается кубический простор

О слабый дар мой горе или благо?
 Я верую в Господне Естество
 Горячей веры в сердце бродит брага

Я чую над собою Существо
 Простершее над серым миром крылья
 Тебя не принимает большинство

Я знаю тщетны все мои усилья
 В тисках терцин о Боге возвестить...
 Хоть проползи десятки тысяч миль я

Себя винить — да — некуда мне плыть
 Суровый Бог не примет святотатца
 Хоть я готов скулить рыдать и выть

И в ужасе в ногах его валяться
 О чёрный искус инобытия —
 Всяк думает: кто знает... может стать...

Я в вере твёрд и твёрдо знаю я
 Смерть — Воскресенье в радуге Сиона
 Расколот дух и в страхе плоть моя

Господь... молю коленопреклонённо:
 Дай силы мне... яви Себя... подвинь
 Меня на подвиг Твоего Закона

Очисти душу — дьявола отринь
 Дай насладиться ангельским покоем
 Сопричаститься таинств и святынь

В стигматах небо видеть голубое
 И научи меня любить людей...
 Триипостасья знаменье простое

Раскрой страницей Библии Твоей

5 мая 1968 г.

* * *

А. З., Д. Р., В. Ш.

Русь. Захолонувшая равнина.
 Виселицы. Снежные заносы...
 Бродят по страницам Пу Сун-лина
 С посохами мудрые даосы;
 Феи-лисы дарят людям ласки,
 Нежные, одна другой пригожей...
 Господи, да за такие сказки
 Я готов расстаться с белой кожей,
 Стать шеньши в замызганном халате,
 Складывать стихи витиевато.
 Чем поэт бедней и бесноватей,
 Тем его искусство больше свято...
 Мозг кусают злые мысли-трутни
 И зудят в болезненном круженье:
 Перетрутся скоро струны лютни;
 Дао призывает к погруженью.
 Отложу я томик Пу Сун-лина,—
 Разболелись тусклые гляделки.
 Жизнь моя — бездарная картина,
 Копия, базарная поделка.

Вешают такие в сельских чайных;
 Густо их засиживают мухи.
 По заслугам. Карма. Не случайно
 Подшутили оборотни-духи.
 А ведь не был я обижен Богом,
 Суемудрый ласковый повеса,
 И владел неповторимым слогом,
 Людям верил, не боялся беса.
 Но явился чёрт, увы, без серы,
 И не в мексиканском обличье...
 Испугался я вне всякой меры,
 Потеряв последнее приличье;
 Кирпичом упал на дно болота,

Ускользнув от лап, завыл, как сука,
И в трусливом пароксизме рвоты
Шкурой понял тайную науку.
Никогда я не имел привычки
Обращать вниманье на воззванья:

«Не давайте детям в руки спички!»...
Правильно... сгорят без покаянья.

7 февраля 1981 г.

* * *

Андрею Белому

«Божественен и вечен Дух»
Неизреченно грозен Логос
В переплетенье этих двух
Глаголов Бога слышен голос

Ты горним светом осиян
«Поверх барьеров» стран и вкусов
Толкнул в астральный океан
Ковчег сколоченный Исусом

В тебе и Запад и Восток
Соединились в перекрестье
Ты — новоявленный пророк
Под ипостасным сверхсозвездьем

Пронзающий и вещей зрак
Подъял к ты Богу из темницы
Ты — Воскресенья гордый знак
В венке из терний в багрянице

Крыло архангела простёр
Ты над эфирным землепадом
Возжёт мистический костёр
В стенах искуемого Града

Софиология — скрижаль
Отбрасывая смерти путы
Иду к тебе и мне не жаль
Души своей в годину смуты

15 июля 1969 г.

* * *

Глебу Маркелову

По залетейским пастбищам Европы —
Придуманной, загаженной, чужой,—
Тупым скотом протоптанные тропы
Нас выгнали, пыля, на водопой.

И в жижу погрузив свиные лица,
Зачавкали мы, всасывая ил.
Не суждено омыться и креститься.
Иссяк источник. Нас не напоил.

Не остудив пылающей утробы,
В коросте, что отчаянно саднит,
Вернулись мы в российские чащобы,
Не залечив растресканных копыт.

И распираемы кишечным газом
От выращенных в парках желудей,
Мы обрели, почёсываясь, разум
И обратились, хрюкая, в людей.

5 марта 1978 г.

* * *

Александрю Исачеву.

Художник полубог мальчишка златокудрый
Тебе я приношу стихов несносных сор
Возлюбленный мой брат смиренно богомудрый
Прими мой тайный грех гордыню и позор

О сколь кровопотлив труд памяти Господней
Как страшен чистый лист и белизна холста
Обстали бесы нас хохочут в преисподней
Под тяжестью креста идём путём Христа

22 апреля 1977 г.

* * *

Х., Я., М.
Алексею Ивантеру

Изранен, зол и непокоен
Молюсь, чтоб прекратился ад,
Как яростный чеченский воин,
Как русский яростный солдат.

Я знаю всё и всё приемлю,
И не предаю и не продаю.
Братки, штыки вонзайте в землю
И разъезжайтесь по домам.

Братва, довольно крови, боли.
Серп притупился,— хватит жать.
Чеченской — дикой — гордой воли
Не надломить, не избежать.

Неколебимо, твёрдо, прямо
Стоят с крестом и без креста
Лихие воины Ислама,
Лихие воины Христа.

Надменны, горестно свободны —
Колелете небесный кров —
Вы одинаково угодны
Творцу — часовщику миров.

Он тоже яростный мужчина,
Он также любит воевать...
Но нет причины без почина,
Чтоб вам друг друга убивать.

Смирись, Аллах, спаси, Мессия.
Миритесь, други и сыны.
Ичкерия-Чечня... Россия... —
Две духоносные страны.

Штык — в землю. Расходитесь, братья.
Добудьте мёд из Божьих сот...
Потом откроете объятия
Друг другу лет через пятьсот.

В раю — меж ангелов и гурий —
Помянете слезой в крови
Тех, кто погиб в нелепой буре
Во имя правды и любви.

На небе — мир... Упрямо, прямо
Стоят с крестом и без креста
Святые воины Ислама,
Святые воины Христа.

12 августа 1996 г.

ДВАДЦАТЬ ДВА ПОСЛАНИЯ

I

В. К.

Возликовала духа плоть.
Намокла нижняя рубаха.
Ослобонил меня Господь
От разъедающего страха.

В извивах пакостных словес,
Шизоидных и лучезарных,
Страх стусевался и исчез,—
И я захныкал благодарно.

Набрякших век подъёмный мост,
Скрипя, открыл картину мира.
Ответ на все вопросы прост:
Не сотвори себе кумира.

Запей духовный бутерброд
Глотком воды чужого моря,
Забудь народ, оплот и род,
Вдохни солёный воздух горя.

Я — пассажир, а не судья
В не мной сколоченном ковчеге...
Вонзись, харонова ладья,
В песок на залетейском берегу.

24 февраля 1978 г.

II

В. Т.

Сними мишурное обличье.
Побудь в раздумье недвижим.
Яви таимое величье
Не только близким, но чужим.

Ведь маска площадного мима
Навек не скроет хитреца.
Картон в чаду огня и дыма
Пронижет аура лица.

И все увидят, холодея,
Что, нарушая общий строй,
Под балахоном лицедея
Бредёт трагический герой.

За ним на фуре в пёстрых лентах
Везут нехитрый гардероб,
И серебро для монумента,
И эшафот, и тесный гроб,

Ведро чернил, полпуда грима,
Реприз дубовый поставец,
Тугие крылья серафима,
И поэтический венец...

Друзья склонятся горделиво.
Враги рассеются, как дым...
И ты уйдёшь неторопливо
На небо вечно молодым.

9 августа 1978 г.

III

Г. М.

Щеголеватый поползень, артист,
Артикул разучивший под сурдинку,
Гнетёт тебя факира тяжкий свист
И загоняет выпренно в корзинку.
В норе из прутьев — тёплое гнильё:
Труха, трава, вода и даже пища.
Ползи в своё предвечное жильё,
В дарованное углое жилище.

Перевари несбывшийся пленёр,
Сжав челюсти в неумолимой муке,
Пока фигляр не бросит на ковёр
Перед толпой выделявать кунштюки.

Очковой кобры неподъёмна роль
Для поползня-ужа, художника-придурка...
Укрой от всех надуманную боль,
Фальшиво размалёванная шкурка.

Толпа зевак топорщит бельма глаз,
Перстами тычет и гогочет гадко.
Не умирай от гордости, сейчас
Очнёшься от сердечного припадка.

Раздуй свой бестелесный капюшон,
Облей слюной вспухающее жало...
Гляди: факир от ужаса смешон,
А рыночная мразь бежала.

11 февраля 1979 г.

IV

А. Ст.

Глухонемой меж кукол хора,—
Усталый, нежный и хромой
Любовник дряблой Терпсихоры
Идёт в метро. Пора домой.

Зал пуст, как пошлая бутылка.
Нога болит. Спектакль не впрок.
От пропотевшего затылка
Клубится в сумерках парок.

Отхаркались аплодисменты.
Привычный грим небрежно стёрт.
Затасканные комплименты
Нашёптывает грустный чёрт.

Где композитор, балетмейстер?
Жрецы, завистники в душе...
Ушли варить невкусный клейстер
Для будущих папье-маше.

Шестнадцать полных рюмок пота
Он выплеснул сегодня в зал,
Такую дерзкую работу,
Валясь с катушек, показал.

Толчками пёрла боль, помногу,
Как водка в глотку с утраца.
Он грыз прокушенную ногу...
Никто не понял хитреца.

Ночь сладострастно бархатиста.
Он едко шутит, чуть живой...
И обаяние артиста
Как нимб, чадит над головой.

5 апреля 1983 г.

V

Дм. Шар.

Скандинавист, фразёр, кирюха,
Педант, авантюрист, жуир...
Не воскресит уж бормотуха
Тебя и не вернёт в сей мир.

Прожил как вешний одуванчик
Ты жизнь забавную свою.
Нальёт Господь тебе стаканчик
Вина церковного в раю.

Ты не чиновен, и реляций
Костлявых стук не канет в гроб.
Соавторы твоих фелляций
Перекрестят в кармане лоб.

Какая чёрная обида —
 До судорог, до немоты:
 Урчат в утробе кровью гниды,
 А Богу душу отдал ты.

Столь благостен и деликатен —
 Опохмелявшийся святой —
 Ты был им, сукам, неприятен
 Своей повадкой и судьбой.

Завою в голос, будто прачка,
 И разобью об стол кулак.
 Ну, где ж она, твоя удачка,
 Новопреставленный чудак.

1 декабря 1978 г.

VI

Г. Мих.

В кого ударит гром копьём,
 Тот не умрёт в мгновенье века,
 Растекшись по траве живьём
 Кипящей шкурой человека.
 Он гул трескучий ощутит
 Расплавившимися ушами,
 И всажённый до плеч в аид
 Заплачет чёрными слезами.
 И волдырями узрит глаз
 Чужих галер крутые груди,
 Пока горячечный экстаз
 Загробный ветер не остудит.
 И пыточное колесо
 По млечной полетит дороге...
 И он поймёт, что с ним в серсо
 Играли люди, а не боги.

31 марта 1978 г.

VII

М. Люб.

Забавен рифменный нарядец
 Тугих полуребячьих строк.
 Я — прирождённый тунеядец,
 Хвастун, нахлебник, шут, игрок.

Мои бездумные проказы
 В водоразделе свето-тьмы
 Страшней прилипчивой проказы,
 Опасней лёгочной чумы.

Ступайте с миром, человеки,
 Не суйте в кал и гной носы.
 Рифмованные чебуреки
 Дешевле конской колбасы.

Купите пузырек портвейна
 (Покойник выпить не дурак).
 Смиренно и благоговейно
 Я вам желаю всяких благ.

Мои сомнительные связи...
 Но несомненно, что друзья
 Не понимают: им из грязи
 Не выйти никогда в князья.

Безоговорочно владею
 Пространством писчего листа...
 Богопротивная идея
 Избранничества и креста.

Я, хлопцы, леноват немного...
 Не всякий примет и поймёт
 Престранную привычку Бога
 Копить для трутней горький мёд.

Самодоволен, туп и сален —
 Вместилище для потрохов —
 Бездарен я и генитален —
 Приборчик для таких стихов.

29 марта 1981 г.

VIII

А. Лав.

Ты Логос сочетал и Эрос
 Под знаком нового креста
 Сшибая с нас и спесь и серость
 Ты свят и жизнь твоя чиста

Тебе орлу доступно небо
 К тебе склоняется Христос
 А мы для хлеба и для хлеба
 Закапываемся в навоз

Наивный плут князь Мышкин в сбруе
 Нас ужасая и дразня
 Искаротских поцелуев
 Беги воскликнув Чур меня

Но помни: в суетности мира
 Держать пред Господом ответ
 Смертельно смертному... Секира
 Над головой твоей грядет

Врунишка с вечностью в обнимку
 Дурашка книжный том и гном
 Накрывшись трансцендентной дымкой
 Ты растворяешься в фантом

Лети... Тебя века искала
 Твоя безумная стезя
 На грани кала и астрала
 С тобой помолятся друзья

29 января 1969 г.

IX

Г. Маф.

Есть в тайном творчестве опасный привкус тленья,
 Навеянный поветрием чумы,
 Ведь может метастаз стихотворенья
 Разъест навывлет детские умы...

И живописца кисть неумолимо
 Ударами загонит на костёр,
 Коль он пыльцу божественного грима
 Ещё со лба и пухлых щёк не стёр.

Распни Христа и счастлив будь, безбожник.
 Поэт, заткни гугнявых губ сортир.
 Зарежь в себе художника, художник,
 Перекрестись и важно выйди в мир.

Теург, переболей шизофренией,
 Зиждательным горением творца...
 Взлети над мглисто-пепельной Россией
 И мудро жди амнистии конца.

8 ноября 1977 г.

X

Друзьям

Оплёван я и завербован
 Тоской, раскаяньем, стыдом.
 Мой путь давно предзнаменован —
 На выбор: кладбище? Дурдом?

Я жить устал. Сладчайший Боже,
 В свои нескудные сады
 Возьми меня, пусть я ничтожен,
 Но знал фонемные лады.

Смерть-избавительница, ныне
Приди... сочтёмся за труды.
Я, словно туарег в пустыне,
Хочу испить твоей воды.

Мне ничего уже не надо.
Я понял всё и испытал.
Моя посмертная награда —
Мной недописанный хорал.

Я — полутруп живой и тленный.
Рассейся, Майи пелена.
Потустороннею вселенной
Моя душа полонена.

Моя затейливая совесть
Фальшивит звонким бубенцом.
Жизнь — утомительная повесть,
К тому ж с разгаданным концом.

Прощайте, господа и дамы!
Счастливо бегать по Руси!
Исчерпана земная драма,
А эпилог — на небеси.

Рифмованным чревовещаньем
Гневлю я Господа, дурак.
Храни, Христос, по завещанью
Жену и всех моих собак.

28 сентября 1980 г.

XI

А.

Не обижаясь на смешки
Друзей, родителей, знакомых,
Я собирал свои стишки,
Как новобранцев военкомы.

Угрюмой ватничной гурьбой,
Дыша портвейным перегаром,
Они бредут, как на убой,
По петербургским тротуарам.

Несут заплечные мешки,
Где спички, мыло, поллитровка,
Мои нелепые стишки,
Обкарнанные под нулёвку.

Тот кривоног, тот лопоух —
Кретины с блоковской ухмылкой —
Сыны мои... У крайних двух
Шестнадцать глаз и семь затылков.

Ваш бестолковый командир
Вас не расставил по ранжиру,
Стажил и заложил в трактир
Обувку, каски и мундиры.

Клоповоняющая рать —
Приказу моему послушна —
Идёт Россию воевать
Грязна, больна и безоружна.

18 апреля 1979 г.

XII

Вен. Ероф.

Что есть поэзии сакральное зерно
Российской, перемазавшейся, странной...
Поэты водку пьют, а не Перно,
Портвейн, дешевый вермут, не Чинзано.

Куда им до германских метафизик,
Французских шуток, аглицких затей.

От века русский сочинитель — шизик,
Крамольник, шут, опасный прохиндей.

Когда писака огненную воду
Привычным жестом заливает в пасть,
Какую ощущает он свободу,
Неправедно божественную власть!

Взрываются кометные химеры,
Огонь бесовский, серный камнепад...
Никео-сталинградский символ веры:
«Кубанская». «Колхети». «Айгешат».

Святая Русь, похмельная держава,
Уснувшая в придурочных сынах,
Твоя неукоснительная слава
Не оскудеет в диких временах.

28 марта 1979 г.

XIII

О. и В. П.

Короновался свежий русский Дарий
Тиарой беззакония и зла...
Простреленная печень Государя
Истлела в трупном пламени дотла.

Корвет державы наклонился жутко.
Повеял вольнодумства сладкий бриз...
И в нерасстрельное подполье промежутка
Мы высунулись мордочками крыс.

Срамно ложатся на бумагу строфы.
Господень серп преуготован жать.
И бешеной вселенской катастрофы
Нам не дано, как Делии, бежать.

Повремени, Отец, пусть наши внуки
Не узрят твой топор и Страшный Суд,
Отбросив азбуку глухой земной науки,
К твоим стопам пречистым припадут.

И пусть во мгле родного бездорожья
Меж виселиц, барачных и раковин
Их осенит надеждой Мать Божья,
Заплачет, задохнётся и... простит.

Идём к Тебе, Христос, в крови и гное,
В хитросплетеньях дьявольских теней...
И пусть на нашем вещем перегное
Растёт иная поросль и цветёт.

15 февраля 1989 г.

XIV

Ей.

Читал «Деревню»... Жил в деревне.
Чернику ел. Грибы искал.
И чайке — выпренок царевне —
Носил огрызки на канал.

Мои смешные путолайки
Смущали тьявканьем быков.
Я, уподобившись всезнайке,
Усердно слушал мужиков.

Заря над озером косила
Серпом лучей тугой камыш...
Какая яростная сила.
Какая сладостная тишь.

Луна чадила над болотом.
Звезда ныряла, как бобёр.

А за оконным переплётом
Неслышно ткался трав ковёр.

В дугах возились перепёлки.
Грыз дом вульгарный таракан.
Нагие девственные ёлки
Укутывал фатой туман.

Русалки плакали и пели.
Лешак валежником хрустел.
На мшисто-глинистой постели
Сверкала нежить слизью тел.

Немой придурок Пашка Дунин
Мне самовар разжечь помог.
Как с родиной Ивашка Бунин,
Я вёл с ним странный диалог.

Попробуй Пашке поперечь я,—
Господь на суд и скор, и лих.
В дырявой сетке просторечья
Тяжёлым сигом бьётся стих.

Плач похоронный над крестьянством —
Стрелой татарскою в боку...
С невыразимым окаянством
Я нижу рифмы на строку.

9 августа 1981 г.

XV

Ей.

Поёт военная труба
С латинским мерным напряженьем...
Не по закону, по рождению —
Я — сын, отец и брат раба.

Завербовавшись в солдатню
За горсть истершихся монеток,
Как несмышлёныш-малолеток,
Сто раз, смеясь, реву на дню.

Мой путь осознанно неплох...
В злодейских поисках покоя
Пою, опершись на древко я,
Как бравый эллин Архилох.

Меня сжевала без слюны
Разноязыкая фаланга...
Но не хочу, чтобы до Ганга
Дошли имперские слоны.

Бежать бы марсовых забав,
Форель ловить на Тразимене...
По обвинению в измене
Боюсь лишиться рабьих прав.

И Лесбия не верещит
То яростно, то усмирённо...
Приветствуя центуриона,
Стучу мечом в свой медный щит.

9 марта 1982 г.

XVI

Н. С.

Кинжала трупную победность
Вновь восславляет исламит.
Армения, Мадонна Бедность,
Твоя лампадка чуть дымит.

О, Господи, Тебе укоры:
Почто ты на своих рабов,
На внуков Гайка, двинул горы,
Похоронив тех без гробов?

Почто Армении без срока
 Терзаешь тяжко и когтишь?..
 Склонись, зелёный стяг пророка,
 Покрыв кладбищенскую тишь...

Христос — армян оплот и твердость —
 Маштоц к стопам Твоим приник...
 Армяне, стержень ваш и гордость —
 Крест досточтимой Шушаник.

Отец, я буду пререкаться:
 Пока достанет жалких сил...
 Неужто вещей Нарекаци
 Тебя в слезах не умолил

Не отверзать ворота ада...
 Державу храмов и полей
 Сберечь... Армении лампада
 Чадит: в ней кровь, а не елей.

Армяне! Грозные хачкары
 Не отразили бесов рать.
 Под ятаганом Божьей кары
 Вам не учиться умирать.

...Зима. Покойницкая бледность
 Гор исполинских и равнин...
 Армения, Мадонна Бедность,
 С Тобой я — в Духе — армянин.

12 декабря 1988 г.

XVII

М. Л.

Одарён чужой судьбой немало
 Выспренной гортанностью стиха,
 Ну-с, я уродился шестипалым,—
 Спрячу руки в рыбии меха.

В косности приличного уродства
 Пакостил, любил да водку пил.
 Забубенной сладостью юродства
 Жизнь свою я, чай, пересластил.

Холодно, душа болит, и черти
 Водят туповатый карандаш.
 Только ты одна меня от смерти
 И спасёшь, и Господу предашь.

Пусть я кособокая химера,
 Вылепленная Бог весть из чего.
 Радостна пленительная вера
 В Господа и воинство Его.

Пахнет подозрительно палёным.
 Век перевалил кровораздел.
 По каким кармическим законам
 Шкуру человека я надел.

Крикну гладкошерстным чистоплюям,
 Птицам, насекомым и скотам:
 Я, как ухмыляющийся Клюев,
 Чувствую родство своё к котам.

А шестой мой палец бестелесный,
 Нужный, как стихам упругий метр,
 Даден, чтобы было мне известно:
 Где, какой, откуда дует ветер.

Дабы я, как спорттурист бывалый,
 Послюнив, высовывал бы перст...
 Ну-с, я уродился шестипалым,—
 Чую ветер, Господи, норд-вест.

25 января 1976 г.

XVIII

Г. Б.

Со страстью пьяницы в запое,
 Пьянеющего от воды,
 Я, как Дюпен Эдгара Поэ,
 Усердно тасовал ходы.

Приди на помощь мне, удача,
 Скандальный пересвист молвы.
 Удар. Противника подача.
 Он в падении, увы.

Летит волан подобно пуле.
 Ракетку сжав, я весь в игре.
 Я дурака валял в июле
 И мало думал в сентябре.

Ревут трибуны. В мёртвой зоне
 Идёт игра, под дых, под вздох.
 Оказывается, в обороне
 И я, по-своему, не плох.

Неправеднейшему судейству,
 Обманным пассам и финтам
 Я возражаю лицедейством
 И лишних пол-очка не дам.

Ах ты, проказливая сука,
 Как метко lupишь по углам...
 Ну что же, будет мне наука
 Бежать спортивно-нервных драм.

Подобно банковскому счёту
 Растут очки то вверх, то вниз.
 Идёт игра не по расчёту:
 Здесь жизнь и свет — главный приз.

Пока что я в полуфинале,
 Удачлив в общем до поры...
 Пока меня не наказали
 Мне нужно выйти из игры.

23 сентября 1980 г.

XIX

Коту Дисе

Хвостатый брат, кошачий гений,
 Магистр непознанных наук,
 Адепт пленительнейшей лени,
 Мой ангелоподобный друг,
 К тебе мой стих неоперённый
 Взлетит надломленной стрелой,
 Двойник, судьбой пресуществлённый,
 Ты важно шествуешь за мной
 По хлипким планкам ограждения,
 Что отсекают полигон
 Души, где в огненном сраженьи
 Христос и бесов легион.
 Ты — Лар несбывшегося дома,
 Ты — бог предавшего жреца,
 Ты — плоть астрального фантома,
 Сын блудный блудного отца.
 Тебя ласкаю суеверно,
 Боясь расстаться снова, впрок.
 Ты — воплощённое inferно,
 Мурлыкающий сыто рок.
 Четырёхлапый Гаутама,
 Побудь со мной, не уходи...
 Сверхчеловеческая драма
 Не разорвёт твоей груди.
 Ведь в зыбком сне перерожденья
 Ты станешь мной, а я — тобой,
 Тогда с животным наслажденьем
 Меня потрогаешь рукой...

Потрись ещё щекою лысой
 Об мой заношенный бушлат,
 Пока меня, как злую крысу,
 Не стащит чёрт за шкуру в ад.

6 ноября 1978 г.

XX

Гаф. М.

Спешу в деревню, как семиты в Мекку.
 Мой дом стоит на силурийском дне.
 Ведь надобно когда-то человеку
 С душой своей побыть наедине...

Мне тридцать три. Сопилку скомороха
 Стащил на торг, за тугрик заложил.
 Курносая похмельная эпоха
 Развешивает макраме гниющих жил.

Друзья мои на дыбе и в успехе
 Невнятно тягомотину несут.
 Вострю перо и штопаю доспехи,
 Ведь скоро выходить на Божий Суд.

Мне некий перевозванный соплеменник
 На поединке кишки пустит вон...
 Пора вам знать, что я не современник,
 А соучастник, гад и пустозвон.

Стихов моих невкусные купаты
 (Что шпиговал и жарил тупо сам)
 Сиятельнейшие куропалаты
 Швырнут брезгливо туголапым псам.

1 октября 1981 г.

XXI

Д. А.

Жизнь — крушенье. Песнь — свершенье.
 Медитации ЗК.
 Поварское потрошенье
 Внутренностей языка.

Сила. Слабость. Напряженье.
 То в поту, а то — продрог.
 Обморочное круженье
 Юрких рифм и скользких строк.

Философский склад и звучность
 Хлещут пеной из мехов...
 Неуёмная сургучность
 Пожирателей стихов.

Нет, брательник и подельник,
 Коль писать — так наповал —
 Про того, кто в понедельник
 Бога с чёртом срифмовал.

Не забава, не игрушка
 Вирши... Круче наркоты,
 Раз за эти безделушки
 Возят аж до Воркуты.

Беспечален и беспечен —
 Что ни взлёт, то пируэт —
 В свою жареную печень
 Вилкой тыкает поэт.

Из простреленных воскрылий
 Каплет кровь и лезет пух...
 И в венки загробных лилий
 Приплетается лопух.

27 апреля 1983 г.

XXII

N N.

Поэзия — глупая драка
Меж тьмой, волхвованьем, бедой.
Поэт умирает от рака,
Обрюзгший и немолодой.

Щелкунчик, трескучие фразы
Не сможешь дотла расколоть.
Разлапистые метастазы
Разъели трухлявую плоть.

Запроданное бормотанье
Слюнявого рта и пера
Не скрасит, увы, ожиданья
Спасительного топора.

Завистлив ты был и порtachлив,
Неряшлив, похабен и лжив.
Однако ж сметлив и удачлив
По части различных нажив.

Отменная штука капуста
В любой из возможных валют.
Что ж так тебе горько и пусто,
Что ж так ты кромешен и лют.

И верные друзья, на дроги
Прилежно твой гроб возложив,
Не скажут, что в Господе Боге
Ты вечно покоен и жив.

Беспорным и щедрым талантом
Некролог тебя обзовет.
А скольким Барковым и Дантам
Успел надломить ты хребет.

Ты станешь — воздастся сторицей
Тебе до скончанья веков —
Чтецом в преисподней столице
Тобой смастерённых стихов.

17 сентября 1980 г.

«НАД ПРОЖИТЫМ И ЗАБЫТЫМ»

Виктор Топоров

1

«Соломенный плащ обезьяны»

Басё

«Соломенный плащ обезьяны»
 Я выбрал из груды одежд:
 Писаке, придурку, смутьяну
 Понятно глумленье невежд.
 Настырно тяну носогрейку,
 Уютно пускаю дымок,
 Бесхвостая я канарейка
 Мечтаю в «живой уголок»
 Попасть и клевать своё просо
 С ладони у странной судьбы,
 Отсечь мировые вопросы
 Чесоточным зудом избы,
 Уплыть в океан огорода,
 Вселенную сада постичь,
 Монашествовавших свободу,
 Пророческих судорог дичь.
 Печурку топить или баню
 Честнее, чем жертвенный дым
 Столбом воздвигать в балагане
 И мёртвым богам, и живым,
 Понять, что растение картошка,
 Святее христовых чудес,
 И лаять сквозь стёкла окошка
 На зыблемый дождичком лес.
 Кормить сахарком домового —
 Занятье не хуже других,
 Закидывать удочки слова
 И ждать, что «поймается» стих,
 Садовых букашек и мошек
 Учить пониманью добра,

Собак деревенских и кошек
 Не гнать никуда со двора,
 И как Филемон и Бавкида
 С женой коротать «трудодни» —
 Не скорбная, право, планида...
 Одни, вековечно, одни!
 По лунной побегать дорожке,
 С кротом поговорить тайком,
 Отведать овражной морошки,
 Ступить на траву босиком,
 Поесть творожка от бурёнки,
 Молиться честному кресту
 И, глядя в глаза лошадёнке,
 Понять сопричастность Христу...
 И верно, чудак и зануда,
 Вовек не устану желать:
 На кладбище станции Чудо
 В песчаной могиле лежать.

31 декабря 1978 г.

2

Я — неплохой версификатор —
 Сподобил выbledка Господь —
 И как больничный оператор
 Стиха умело режу плоть.
 К чему натужные усилья?
 Сосредоточен, сух и нем,
 Я рассекаю сухожилья
 Строки и хрящики фонем.
 В святом рассудочном уменье —
 Моё святое ремесло.
 И ни к чему мне вдохновенье,
 Я раб ваш: метр, стопа, число.
 Утяжелений, ускорений
 Люблю лихую карусель.

И твёрдо знаю: я не ...
 Стихи похожи на кисель,
 Не на вино. Хоть сварен круто,
 Нет крепости спиртовой в нём.
 Стихи мои — кремень без трута —
 Не попалят сердца огнём.
 Не то я слишком образован,
 Глуп и пронырливо умён,
 Не то мой мозг парализован
 Возмездием былых времён.
 Я строчек начитал без счёта
 Поэтов малых и больших
 И замечал одни просчёты,
 Не понимая их души.
 Высокомерен и спокоен,
 Как саламанкский анатом,
 Я понимаю как устроен
 Чужих стихов вселенский том.
 Стихи-шары ложатся в лузы...
 Сестра, причудница, жена —
 Моя нервическая муза —
 Утомлена, напряжена.
 И только в сладостном боренье
 Любовных яростных стихий
 Рождаются стихотворенья,
 Естественнейшие стихи.

23 января 1982 г.

3

Г. М.

Мне, эстету и острожнику,
 Мнимо важному, как лось,
 Попозировать художнику
 Для портрета довелось.

Тот писал меня с молитвою
 Матерною, подлеца,
 Выявляя кистью-бритвою
 Эманации лица...

Вдруг на зеркале картоновом
 Неожиданно возник
 В испаренье Флегетоновом
 Мой насупленный двойник.

Я подумал: «Матерь Божия!»,
 Испугался, сжал кулак,
 Убедившись, что по роже я
 Суший бес и вурдалак...

К сожаленью, сочинительство —
 Краткий смертный приговор,
 Инфернальных сил водительство...
 Ретор — черномаг и вор.

Пусть двойник — гомункул в рамочке —
 Станет сон мой сторожить...
 Знайте, господа и дамочки,
 Я умру — он будет жить.

27 апреля 1982 г.

4

Д. А.

...Из идеала — одеяла —
 Как ни старайся, не сошьёшь...
 В насмешку Мойра нам напяла
 Слепую праведную ложь.

Непозволительные цели
 Полков ума, духовных рот
 Я вижу в пушечном прицеле
 Скабрезных шуток и острот.

Темна летейская водица.
Просторен кипарисный гроб...
От бытия освободиться
Нельзя наследникам утроб.

Грешно стремиться к воплощению
Тому, кто тварен, но умён...
Внимай в дрожательном смущенье
Скрипению оси времён.

Всезнание цели — маска Бога,
Которой лик Он покрывал...
Целуй смиренно и убого
Тень тени Майи покрывал.

3 апреля 1982 г.

5

Федору Сологубу

Умерших братьев зыбкий рой
Поёт и пляшет над Лигоем,
Зудит: «Ланцетом вены скрой,
Не будь отступником и гоем...»
Взошёл Маир, огнём паля,—
Дракон — на золоте с кармином.
Цветут ойлейские поля,
И пахнет смерть коврижкой с тмином.

6

Ирине Чижовой

Я нездоров — прокол, простой —
Разбухший, вялый, безголосый —
Нередко думаю о той,
О девочке златоволосой.

Я молод был. В сплетеньях жил
Кипело алое варенье...

И я по-своему сложил
Любовное стихотворенье.

Цветущей плоти жаркий хмель
Пьянил. Шалаш казался раем.
А нынче — выброшен на мель —
Я болен, дряхл и презираем...

18 июля 1982 г.

7

Г. М., К. А.

Клацнет камеры задвижка
(Дверь запахнута толчком)
И в подследственную мышку
Выстрелит сухим толчком.
Бритый, длинный, сухопарый
На нехитрый табурет
Иль на струганные нарты
Плюхнешься писать ответ
На вопросы, что наметни
Следовательша дала
Про злокозненные бредни
И крамольные дела...
Самописка, будто птица,
Ниже строчек кружева.
Господи, мне это снится.
Это не мои слова...
Жутко лязгают в машине
Шатуны и рычаги.
Нужно сжаться, как пружине,
Нужно вспомнить, кто враги.
Против дьявольской оравы,
Стаи чёрных кобелей,
Ощетиненной державы
Ты один, но будь сильней.
Коль на мельнице сомненья

Перемелешь естество:
 Площадное поражение
 Превратится в торжество.
 Самовитые Панглоссы
 (Вольтерьянский антураж)
 Пусть тягают на допросы
 И берут на карандаш.
 В ослепительной атаке
 Сладко биться до конца.
 А в такой нечестной драке
 Даже не прикрыть лица.
 Напряженье заключенья
 Знаешь сам, что быть беде...
 И мерещится мученье
 На несправедном суде.

18 апреля 1979 г.

8. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

За что я Господом обижен
 Невнятным искусом идей
 За что принижен и унижен
 В глазах двуногих нелюдей

Развеяв дым людского сальца
 Шипящего на их огне
 Ко мне протягивают пальцы
 В крови как в жертвенном вине

Я сир и сер убог и гадок
 Мне ненавистен свист плетей
 Ума лишён я и не падох
 На изыски чужих затей

Искую я Христовых Таин
 Мне свет в ночи — Екклезиаст

Увы я не изящный Каин
 Что купит в рубль а в сто продаст

Я сумрачен и непокоен
 За Кантом выставив дозор...
 Мой грех — я не христовый воин
 Мой стыд мой сон и мой позор

В тумане горнего наитья
 И с резью искры в очесах
 Жду громозвонного открьтья
 Живаго Бога в небесах

В теологических чуланах
 Мистериальную зарю
 Приму как слово Иоанна...
 Тебя Господь благодарю
 Благодарю за непрактичность
 За чувство Божие в душе
 За эклектичность экстаичность
 За клише.

8 ноября 1969 г.

9

Ф. М. С.

Трещала ярая зима
 Углём топил я в Комарове
 Чужую дачу и с ума
 Сходил ища поддержки в Слове
 Лишь потому что смерти лик
 Вседневно мрел в больничном смраде
 В палате умирал старик
 А в оснежённом Петрограде
 Друзей моих лукавых хор

Интеллигентскою слюною
 Многоголосый разговор
 Перемежал про нас с женою
 Великолепная родня —
 Придурка деспота кумира
 Учила ласково меня
 Чужую захватить квартиру
 Отец возлюбленный жены
 Судил оправившись от крупа
 Должны мы или не должны
 Помочь как можем полутрупу
 Подружки нежные жены
 (Блудниц-монахинь милый орден)
 Повально были сражены
 Тем что не переписан ордер
 У старика взрывался мозг
 Курился бред нелеп и страшен
 Бежали мы в Зеленогорс
 А все считали деньги наши
 В тени ужасного креста
 Гниенья заживо живого
 Никто не протянул перста
 Не проронил живого слова

О как непрочна жизни нить
 Ведь дух и тлен извечно в паре
 Но как мне Господи простить
 Тех кто лежащего ударил
 В больнице умирал старик
 И ненавидел тех кто рядом
 И был отравлен каждый миг
 Общенья с ним не только ядом
 Что источала плоть его
 Истлевшая ещё до гроба
 Была мучительней всего
 Надменная тупая злоба
 Больница — станционный зал

Где ждут Харона души стаей
 И он ни слова ни сказал
 Как человеку подобает
 У слабых собственная статья
 Дано и отнят так много
 Я не ропщу зачем роптать
 Я был в аду и видел Бога

21 января 1976 г.

10. СЕНЕКА

Свободно вытянувшись в кресле
 Прикурить от газовой зажигалки
 И откинувшись спиной на подлокотник
 Изящно вывести на папирусе «Федра»
 Придумать что-либо похлеще «Ипполита»
 Весьма непросто а впрочем едва ли
 Существует невозможное для исповедующего Стою
 Стоя — религия достойная мужчины
 Выйти на форум пропустив автомобили
 Приподняв шляпу поклониться охраннику Нерона
 И зайти в подкомиссию Сената
 Для засвидетельствования лояльности
 Вот осторожность — достойная мужчины
 Возлечь на ложе и шутить с дамами
 Уместно цитируя Баркова и Катулла
 Поклониться тебе лукавый Гай Петроний
 Творцу знаменитой мадам де Курдюковой
 Вот времяпрепровождение — достойное мужчины
 Утром получить шкатулку от Нерона
 С рескриптом о немедленной смерти
 Распив с друзьями бутылку горькой
 Вскрыть себе вены в коммунальной ванной
 Вот расчёт с жизнью — достойный мужчины

2 октября 1966 г.

11. МЕДИТАЦИЯ

«Верю в солнце Завета...»
 Верю в ласковость губ
 В вихре горнего Света
 В громе ангельских труб

Нет в миру ни былинки
 Чтоб не страдала плоть
 До последней кровинки
 Жду и верю Господь

Зри: подобием мухи
 Пред Тобой я стою
 Жажду таинства В Духе
 Верю в благость Твою

Под супружеским кровом
 И в чужой стороне
 Инспирация Слова
 Волей Духа —
 Во мне

Что ж Ты Господи что же
 Искушил мой родник
 Так яви же мне Боже
 Огнепурпурный Лик

5 августа 1969 г.

12. МОЯ КАЗНЬ

I

Настанет день предтеча судных дней
 Когда уста отверзнет Иегова
 И ты поймёшь что ты не иудей
 И что тебе не внятно Божье слово

Восплачешь слёзы на землю лия
 Воскликнешь: помилуй Господине
 Почто воззвах мя из небытия
 Аз верую в Тебя Преплагий Сыне

Нахмурится печально добрый Бог
 Ты захлебнёшься вдруг славянской речью
 И ощутишь как жалок твой итог
 И что Господь един для всех и вечен

И всё равно как называть — Господь
 Отец иль Дух иль Сын иль Вседержитель
 Неосязаема Господня плоть
 И недоступен взору Небожитель

Ты можешь богохульствовать сейчас
 Минут года приблизишься к порогу
 И принимая чашу в смертный час
 Ты в ужасе услышишь голос Бога

24 марта 1967 г.

II

Боюсь я или не боюсь
 Перечеркнуть свой бред тягучий
 Моя оплёванная грусть
 Перегорает в дым созвучий

Не сетуя и не крича
И не взывая о подмоге
Целуя руку палача
Лукаво вспомнил я о Боге

И голова как медный шар
Скатилась к основанию плахи
Палач коснуться разрешал
Кровавых пятен на рубахе

И луч последний вещных сил
Вдруг даровал мне озаренье
Я понял всё и ощутил...
Так родилось стихотворенье

Все ложь и блеф... Лишь Бог Отец
И Сын и Дух и Мудрость мира
Провидят сущность и конец...
Не сотвори себе кумира

5 мая 1967 г.

13

Скатилась ночь как клякса
Задёрнут полог дня
И вновь кикимор пляски
Преследуют меня

И в круге тех кикимор
«У смерти на краю»
Трусливо и настырно
Себя я узнаю

Ведь только вечер грянет
В мгле звёздного огня
Подхватит и потянет
К кикиморам меня

Бесценна и нетленна
Душа, но смертна плоть
Молитва дерзновенна
За облаком — Господь

Над мерзостным болотом
Огней зелёных рой
Чего там и кого там
Закрой глаза закрой

Закрыв глаза и нате —
Как по лбу обухом —
Увидел: на кровати
Я сплю спокойным сном

26 октября 1969 г.

14

I
Как славно быть сумасшедшим
Всамделишным, настоящим.
Расшаркиваться перед пришедшим,
Раскланиваться с уходящим.

То дрожь меня бьёт, то мне душно,
То руки дрожат, то тело.
Я стал ко всему равнодушным,
От снадобий закоптелым.

Как мальчик перед Причастьем,
Как девочка-конфирмантка,
Я полон безумным счастьем,
Как углями печь-голландка.

Затерянный мир открыл я:
Без рая и преисподней...
И рвутся сквозь спину крылья,
Как будто я Ангел Господний.

31 марта 1984 г.

II

Когда в бессонничную рань
Стихи хотел я спрятать в папку,
Переломила мне гортань
Твоя изысканная лапка.

Житейских заморочек воз
Пылит. Вокруг танцуют хари...
Я одинок, как паровоз,
Забывший Господом в Сахаре.

18 апреля 1984 г.

15

"....." ... Как Бухарин,
Я выслушал злой приговор...
Картонные рьяные хари
Заполнили избу и двор.

Зовут, умерщвляют, смеются,
Щекочут отростками вил...
Я жизни богемское блюдце,
Шутя, сапогом раздавил.

Сие получило огласку...
Я, вытолкан с пира взашей,
Обрёл просветлённую ласку
..... своих корешей.

С такого Олимпа возврата
Не будет во веки веков...
И Бога, и друга, и брата
Ищу из числа

Бессонниц зловонные бредни...
И знаю: ключами звеня, —
..... дальше передней
Надменно не пустят меня.

Чумной, омерзительно дикий,
Закутанный в снежный виссон,
Я слышу напев Эвридики
Сквозь тяжкий провидческий сон.

25 февраля 1988 г.

16

Д. А.

Прощайте год! Привет вам из Коломны
Куда меня занёс трамвай шальной
Азь есмь: почтительно и скромно —
Во здравие за упокой

По диамату мудрости вселенской
Обучен я как истый аспирант
Но надо же: мне оккультист Успенский
Подсунул свой мерзейший фолиант

Где любомудрия похерив бремя
Обороняясь логическим щитом
Сумел мне доказать подлец — что время
Суть мозговая нежить иль фантом

Так был ли год? Ведь Трисмегист иначе
Судил и нам судить как он
О фикции в земной юдоли плача
Что Валентином названа Эон

А если был... Тогда печальтесь черти
Мне не составит Господи труда
В мешке заплечном у любезной смерти
Вас подождать до Страшного Суда

Год умер... Мы остались живы
Я — карандаш затиснутый в пенал
Как нищий из-за даровой подливы
Я честь и хлеб и душу потерял

Был мор и глад и разверзались хляби
 Был суд и блуд небесный огонь и страх
 И я лизал свой стыд с улыбкой рабьей
 Любя себя как черти любят прах

Невнятна речь предавшего обеты
 Вино горчит узка ему кровать
 Сандалии Того из Назарета
 Чудовищно мне стали ноги жать

Какая гиль! Ведь рвётся там, где тонко
 (Что ж иногда и здравый смысл неплох)
 Скорее бы порвалась перепонка
 Чтоб я до смерти на душу оглох

Дух или плоть полёт или паденье
 Жезл иль нагайка лотос иль морковь
 Но Боже правый сколько наслажденья
 В том чтобы пить свою из вены кровь

О как темно и пахнет серой гадко
 Я ждал посланца трансцендентных сфер
 Вот он... Я на него украдкой
 Взглянул и умер... То был Люцифер.

14 марта 1972 г.

17. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Мы душу дьволу продали
 Потом сидели выпивали
 И было весело до колик
 Ведь с нами главный алкоголик
 Потом мы плакали и лгали
 Потом варить младенца стали
 Закончив трапезу в безмолвье
 Её запили теплой кровью

Потом Распятие топтали
 На Матерь Божию плевали
 И целовали зад козлийный...
 В печали милой и глубинной
 Тела заученно сплетались
 Суккубы с жабами братались
 Дерьмо хлебали из корыта
 Испачкав рыла и копыта...
 Потом проснулся...

14 марта 1972 г.

18

Я шёл по улице Подольской
 Лил дождь четвёртый день подряд
 Пихнул плечом меня по-свойски
 Брат во Христе мой — дер Зольдат

В парадных скорбные мужчины
 Потёртые как бабкин плюш
 Глотали водку по причине
 Бессмертия бессмертных душ

Один утончённый теолог
 Носивший «стигмат» на носу
 Схватив бутылочный осколок
 Усердно резал колбасу...

Я шёл и думал: Святой Боже
 Я непокоен эти дни
 Ну почему я так ничтожен
 Что не могу быть как они

Дай мне подобные устои
 Ту святость цельность и покой
 Ведь остальное всё — пустое
 На что с трудом махну рукой

Дай Господи покой и веру
В то что дубинищу схватив
Интеллигентские химеры
Отторгнет русский примитив

Горите книги ноты храмы
Се — Суд огонь и землепад
И пусть российские Адамы
Насадят новый вертоград

Тогда устав от постоянства
Омытый бурей слёз и рос
Над алым выжженным пространством
Взойдёт как солнце наш Христос.

5 мая 1971 г.

19

Кому дарован дар витийства,
Тот не предаст скрипучий слог,
Над кем витал самоубийства
Обворожительный дымок,

Кто в ослепительном задохе
Над веной рвал живую плоть,
Тому быть пасынком эпохи
Безжалостно сулил Господь.

24 марта 1977 г.

20. НА ПОЛЯХ СТАТЬИ

I

А. А.

А авр благовонный осенил чело
А якса благородного под Троей
В орочая тяжёлое весло
Р азбил корабль славнейший из героев
О боги! Сколь ужасно наказание
В лекомому к бессмертному признанью

19 января 1969 г.

II

И.Б.

И ты пройдя рядами острых пик
И опершись на бердыш полуржавый
Чекань в скале серебряный родник
Откуда пей Орланда славу

Напившись губы нежно осуши
Об мох растущий из расщелин
И в белой мантии души
Найдя прореху знай: ты — эллин

26 февраля 1969 г.

21

Ей

I

Как Бог небрежными штрихами,
Чертивший тёплый шар земной,
Я тривиальными стихами
Пытался женщине земной
Дать ощутить пространства бремя,
Вес духа, времени пески...

И получал удары в темя
 Дубинкой страха и тоски.
 Я задыхался, перхал, плакал,
 Заискивал и клеветал,
 Когда меня тащили на кол
 Иль ставили на пьедестал.
 Сижу в засаленной сорочке,
 Небритый, хмурый, как зека.
 Очередные заморочки
 Разнузданного языка...
 Молись завистливой Латоне,
 Моя патлатая Суок...
 Я весь, как мышка на ладони.
 Сожми покрепче, брызнет сок.

5 февраля 1983 г.

II

Спи Психея недотрога
 (После ласк не до стихов)
 Попрошу смиренно Бога
 Отпущения грехов
 Смерти лёгкой жизни тяжкой
 Виршей, что не написал...
 И Господь — простив — с натяжкой
 Выведет мне средний балл
 Он простит меня... Воочью
 Попеняет на грехи
 Лишь за то что этой ночью
 Я сложил тебе стихи
 И за то что Свет взыскаю
 Весь свой век во тьме блуждал
 И что имя Бога всеу
 Никогда не поминал

23 декабря 1972 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ВИКТОР КРИВУЛИН

МАСКА И ЛИЦО

Классическое наследие в современной артикуляции

Советская критика более всего преуспела на поприще раскрытия литературных псевдонимов. Она вполне усвоила полицейские навыки, позволяющие, орудуя в веселящейся толпе, ловко и безнаказанно срывать все и всяческие маски, хотя не всегда под масками оказывались искомые лица. Балаганное же оживление на маскараде словесности всякий раз после таких вторжений стихало, возникала заминка, паспортные данные угрюмо торжествовали над игрой воображения. К псевдонимам прибегали всё реже и реже, их предпочитали выбирать лишь для маскировки — в армейско-разведывательном, а не в театрально-площадном смысле. А между тем псевдоним как словесная маска остается частью великой ярмарочно-карнавальной культуры. Маски на Руси издревле именовали «личинами», их вырезали из картона в ожидании рождественских колядований, пестро раскрашивали и запирали в чулан до наступления Святков, до времени, когда личина ненадолго становится реальнее лица.

Ещё недавно мне бы в голову не пришло раскрывать псевдоним «Василий Пригодич», под которым издана небольшая книжка стихов с названием, игриво указывающим на маскарадное происхождение авторского имени: «Картонные личины». Но что-то в самом воздухе времени обнаруживается картонное, нереальное, карнавально-кровавое, этакий праздник навыворот, не позволяющий человеку, у которого развито чувство стыда, появляться на людях в костюме оскорбленного Арбенина. Когда какой-нибудь Лукьянов мог позволить себе явиться перед читающей публикой под личиной элегического Осенева и, лишь потеряв пост парламентского дирижера, как бы ненароком выглянуть поверх опереточной вуалетки, следует ли вообще относиться всерьёз к игре с именами.

Думаю, следует, потому что Василий Пригодич — это псевдоним, возникший в ином понятийном и нравственном климате. Он принадлежит С. С. Гречишкину, ведущему специалисту по литературе русского

«серебряного века», весьма уважаемому в филологических кругах, члену Союза писателей Санкт-Петербурга. Именно сфера профессиональных интересов определила для него выбор поэтического псевдонима, а не какие-либо иные соображения, поскольку как раз в начале нашего века маска осознается как ключевая стилистическая категория — и вольная игра с авторскими именами приобретает эстетическое по преимуществу измерение.

У декадентов литературные маски начинают срастаться с лицами. Если в прошлом веке критик Н. Добролюбов ничтоже сумняшеся прячется в своих поэтических опусах под пародийными вымышленными именами, меняя их, как шейные платки, купленные в галантерейной лавке, то поэт Ник. Т. О., выпустивший в 1904 г. сборник «Тихие песни», не столько скрывается под псевдонимом, сколько дает шанс проницательному читателю (в античернышевском смысле) узнать по псевдониму род занятий анонимного автора: вы помните, конечно, что под именем Никто хитроумный Одиссей представился Полифему. А ежели это имя нарисовать как небрежно-торопливую роспись должностного лица на поздравительном листе начальству или в ведомости, или в кондуите нерадивого гимназиста, то мы узнаем учителя-античника, озабоченного не герметическим сохранением анонимности, но, напротив, проблемой внутреннего понимания. Речь идет об Иннокентии Анненском, чье культурное влияние ощутимо до сих пор.

Поэтические имена в XX веке значимы как никогда прежде, ибо выступают в роли концептуального ключа к той или иной авторской системе, и их побочные, предметные лексические значения активизируются необыкновенно, как если бы они оказались включенными в напряженный поэтический контекст. Символиста Бориса Бугаева быть не могло — вместо него явился Андрей Белый со своей пародийной тенью — Сашей Чёрным. Любопытно, что фамилия «Бугаев», подобно замаскированному подковообразному магниту, охватывает временные полюса русского авангарда: предавангард связан с именем Белого, тогда как постмодернизм нашёл своего, современного нам Бугаева (Сергея), известного публике под кличкой «Африка».

Сейчас культура начала века реанимируется, воскресает «по-чёрному», и только подлинное, глубинное понимание происходивших в ней процессов поможет нам обрести самих себя, не повторить дедовских ошибок, приведших известно к каким последствиям. Вот тут-то

и может пригодиться богатейший профессиональный опыт Василия Пригодича — опыт интенсивного осмысления «серебряного века», уроки тех непрерывных и полупотаённых штудий, которые велись два десятилетия, вопреки идеологическим запретам и фобиям застойного времени. Этот опыт мог так никогда и не выразиться в художественных формах, если бы не произошло радикального слома всей нашей прежней системы ценностей. Пришло кризисное время, и аналитический холодок исследователя сменился поэтическим жаром. Обычно бывает наоборот, но мы живём в перевернутом мире. Явление прекрасного, тонкого и, может быть, поэтому не замеченного критикой поэта — лишнее доказательство тому.

Впрочем, стихи Василия Пригодича публикуются не впервые. Это имя появилось в 1982 году на страницах эмигрантского журнала «Грани» (№ 126), где были напечатаны 9 стихотворений из книги «Картонные личины», причём ни один из девяти текстов не вошёл в советское издание. То были другие стихи, да и автор словно бы другой человек — избравший псевдоним, скорее в конспиративных, нежели в эстетических целях.

«Картонные личины», изданные в 1990 году Ленинградским отделением «Художественной литературы», — книга замечательная прежде всего подкупающим сочетанием высочайшей поэтической культуры, мощного филологического багажа и поразительной наивности, почти инфантильности видения. В подлинном поэте всегда есть нечто подростковое, тинейджерская ранимость, «ранняя раненность», но когда поэтическое отрочество преломляется сквозь возрастную мудрость и литературоведческую искушенность, возникает странный эффект двоения смыслов. У подростка нет трепета перед чужим словом, ему кажется, что он может сказать лучше, сильнее, чем кто-либо до него, но если поэт при этом ещё и ориентирован филологически, то значимость любого собственного высказывания будет казаться для него тем более спорной и сомнительной, чем твёрже он убеждён в своей правоте.

Стыд словесный — вот чего не хватает нашей поэзии по причине её полной филологической безлюбности. И это ощущение стыда словесного, переводящего в разряд артикуляционной гримасы любую цитату, которая осознанно включается в оригинальный текст, само по себе спасительно. Нельзя человеку, влюблённому в Слово, жить без чужого слова, но нельзя жить и чужим словом, как собственным.

Вслушаемся же в современные нам стихи, держа в уме другие, написанные за десятилетия до нашего появления здесь:

Десятилетия разгула
Невероятной бесовни

(Пригодич)

Испепеляющие годы!
Безумья ль вас, надежды ль весть?

(Блок)

Или:

Сорви картонную личину
С лица, повязку с гноем — с век...

(Пригодич)

Сотри случайные черты,
И ты увидишь: мир прекрасен...

(Блок)

Или:

Ты не умрёшь — горенья плоти тленной
Ты убежишь — печальна и светла...

(Пригодич)

Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...
...печальна и светла
Адмиралтейская игла

(Пушкин)

«Картонные личины» построены на постоянном внутреннем диалоге автора с классическими текстами, книга читается как дословная черновая запись горячего спора всё о том же — о судьбе России, «о приключениях индивида на этой маленькой планетке», — сколько об этом было говорено в 70-е годы во время бесконечных кухонных застолий, ставших в те годы единственной формой свободного

выражения общественного мнения! Но то, что активными и непосредственными оппонентами, собеседниками (едва ли не собутыльниками) Пригодича оказываются Г. Державин, А. Пушкин, Ф. Тютчев, К. Случевский, А. Блок, Андрей Белый, В. Ходасевич, Н. Клюев, Б. Пастернак, А. Солженицын, придаёт речевой атмосфере сборника высоту, недостижимую для большинства современных русских поэтов. Одический строй речи, то и дело перебиваемый хлестким, только что не бранным словом, заставляет вспомнить не столько Мандельштама, сколько какофоническую стилистику шутовских казней, которыми развлекался Пётр Великий, отдыхая от казней реальных:

Подлец. Мастурбатор. Садист из скопцов (Это о поэте)
Вотще возопит к небесам...
И нет ему чаши на пире отцов,
И сын его выгонит к псам.

Грань между измывательством и подлинной патетикой в этих стихах необнаружима. Они слишком серьёзны для того, чтобы видеть в них торжество пародийного, смехового начала, и в то же время их серьёзность какая-то ненастоящая, карнавальная. Но тем более приложимы они к нашему сегодняшнему состоянию, когда трудно признаться, что ты населяешь пространство фарса. Каждый из нас предпочёл бы видеть в себе персонаж трагический, а свое время — как Время Апокалиптическое, и только стыд словесный удерживает от такого соблазна. Словесный стыд не позволяет поэтизировать собственные беды и садистически любоваться бедами Отечества. Нас спасает горечь, а не сладкоязычие, боль, а не красота. Бог распятый, а не «серебряный Дядька», который на свой лад «толкует Закон». Слова Достоевского о том, что «Красота спасёт мир», годные сегодня разве что для рекламы третьесортной рижской косметики, обретают прежний высокий смысл лишь в мучительно-иронической артикуляции, будучи произносимы как бы в момент нервного тика с вываливающимся наружу языком. Именно так эти слова произносит Василий Пригодич, и я не сомневаюсь, что значимость их в его устах будет возрастать по мере обнаружения беспочвенности иных способов современной артикуляции великого классического наследия.

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА. 1993, № 21 (4 февраля). с. 7

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ОЛЬГА МАЛЫШКИНА

«Я ВЫРЫВАЮСЬ ИЗ ПЛЕНЕНЬЯ...»

Поэзию издавна и до недавних пор чтли в России, чтли настолько, что даже русские философы (Вл. Соловьев и многие другие) были на самом деле поэтами и мечтателями, точно так же, как и российские политические деятели, революционеры и неревolucionеры.

Неумеренное потребление поэзии с её неизбежными головокружительными полётами фантазии и неумной возвышенностью вызвало теперь в стране болезненный рецидив — пресыщенность словом. Поэзии не верят, не верят слову как таковому. В такой ситуации представлять нового или малознакомого поэта непросто. Однако имя Сергея Гречишкина (поэтический псевдоним — Василий Пригодич) известно в Ленинграде-Петербурге уже давно. Историк русской литературы «серебряного века», автор многих ярких статей и публикаций, некогда сотрудник Пушкинского дома, он отдал немало сил и поэзии. Естественно, в коммунистические времена о публикации его стихов не могло быть и речи — это были «не те стихи»: в них не было ничего жизнеутверждающего, светлого или хотя бы детски трогательного и наивного, что мог стерпеть официоз. В итоге Сергея Гречишкина как поэта хорошо знали лишь в относительно нешироком культурном кругу.

Теперь — совсем новые и весьма «лихие» времена. Повсеместная занятость «боями за выживание» не оставляет в сознании значительного места для поэзии, даже сохранившиеся до сих пор духовные искания стали прагматичнее — интересуют не «туманные стихи», а конкретные религиозные организации и миссионеры, обещающие смертным что-то осязаемое — несомненное успокоение или «точный» идеал.

Тем не менее сохранился интерес к истории, в том числе к истории культуры, а настоящие стихи — это ведь летопись духа или, если угодно, своего рода «кардиограмма души», «снятая» в определённой стране и эпохе. В этом качестве поэзия Сергея Гречишкина, бесспорно, ценна, она — поэтическая исповедь питерского интеллигента 70–80-х годов, честная и не раскрашенная гигантскими претензиями, как это нередко бывало в «подпольной» литературе.

Доминирующее настроение Гречишкина-поэта — горечь, слитая воедино с угрюмой самоиронией. В этом нет ничего удивительного — таковым было и время, в которое довелось поэту жить, время тихого внутреннего саморазложения огромной страны, бурный финал которого, перепутанный с фантастическими надеждами и полный неслыханных событий, мы с вами и видим ныне.

Есть старое мнение, согласно которому художник должен быть выше времени и, в сущности, «превыше всего». Мы так не думаем. Здесь, на земле, человеку не избавиться от времени, и неспособность чувствовать и выражать его — как слепота. Не интересно читать романы или, тем более, стихи, которые «превыше всего» — они всегда надуманны. Этой последней черты, надуманности (кстати, вовсе не редкой) в поэзии Сергея Гречишкина решительно нет. Он — не творец вымышленных миров, не создатель напыщенной «зауми», а тонко чувствующий человек, создавший относительно простыми поэтическими средствами выразительную и (подчеркнём!) чуждую позы лирическую исповедь в стихах.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ. № 1. 1994. с. 48

ПРИЛОЖЕНИЕ III**ВИКТОР КРИВУЛИН****КЕЛЬЯ, КНИГА И ВСЕЛЕННАЯ**

(фрагмент)

... строки стихов В. Пригодича (С. Гречишкина) озарены кровавыми отсветами мистических закатов, сопровождавших пророческие бдения младших символистов, этих, по слову Андрея Белого, «первых большевиков духа», чьих ошибок мы не только не изжили, но до конца и не осознали еще. И поэзия Пригодича — не что иное, как новейшая версия поэтического осмысления мистико-большевистской утопии, это полемика, выдержанная в стилистике русского символизма, но взрывающая её изнутри, это актуальное продолжение горячего спора, затеянного ещё Вл. Соловьевым и подхваченного лагерными дискуссиями на Соловках и Колыме, в русском Берлине, Праге и Париже...

АРИОН. Журнал поэзии. № 3. 1994. с. 53

ПРИЛОЖЕНИЕ IV**НИКОЛАЙ ГОЛЬ И ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВ****ПОЭТЕРИЙ. «Гамбургский счет»**

— Когда Сергей Гречишкин принёс в поэтерий стихи, я, поверь мне, ничуть не удивился.

— Почему?

— Потому что известно, что Василий Пригодич пишет — и даже издал в 1990 году книгу стихов «Картонные личины».

— Логика совершенно убийственная. А когда ты увидел, что поэзия Василия Пригодича полна цитат, литературных отсылок и аллюзий, ты не удивился тоже?

— Нимало! Поскольку знаю, что член Союза писателей Санкт-Петербурга Сергей Сергеевич Гречишкин много лет занимается исследованиями и публикациями литературы серебряного века.

— Тогда приходится признать, что Гречишкин и Пригодич — одно физическое лицо.

— Да, и лицо, несколько этого факта не скрывающее.

— А когда ты прочёл стихи, окунулся в эти, прости за каламбур, волны высокого штиля, не показалось ли тебе купание затруднительным и слегка, что ли, несвоевременным?

— Отнюдь! Потому что реминисценции естественно растворены в ткани современного стиха, и приподнятый тон совершенно органичен.

— А когда, читая эти высокие стихи, ты обнаружил в них, что Пастернак «гнусаво провыл», А Булгаков и Федотов «смердят», это тебя тоже не смутило?

— Нисколько! Потому что, по мнению автора, выраженному куда как определённо, в мире есть вещи, более заслуживающие молитвенного преклонения, чем литература или философия.

— И всё-таки он стихотворствует и философствует?

— Всё-таки!

— Но что же это за вещи, которые «более заслуживают»?..

— Иди и читай!

СМЕНА, 1994, № 219–220 (8 октября). с. 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

МИХАИЛ КУЗЬМИН

«ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ, СТРАН И ВКУСОВ...»

«ПРИШЕЛЕЦ ЗЕМЛИ» — хорошее название для книги, почти целиком состоящей из поэтических кроссвордов. Её автор, Василий ПРИГОДИЧ издал своё детище тиражом в двести экземпляров. И этого по нынешним временам вполне достаточно. Если стихам суждено выжить, то бессмертный экземпляр всегда найдётся.

В ОБЫЧНОМ кроссворде слова пересекаются по геометрическим законам. В поэтическом кроссворде логика пересечения гораздо более странная и прихотливая:

В извивах пакостных словес,
Шизоидных и лучезарных,
Страх стушевался и исчез...

Даже в этих трёх строках вопросов больше, чем ответов. Зато сочетание «шизоидного и лучезарного» даёт такой поразительный эффект, что страх исчезает. И это действительно можно назвать победой поэта. Когда исчезает страх, поэт начинает творить чудеса, сочиняя новые, ещё более немислимые кроссворды:

Где нож и верёвку
В изящный букет
Сплести с поллитровкой
Сумеет поэт.

Василий Пригодич прекрасно понимает, что четыре строки — это не только четыре стороны света, но и четыре стороны тьмы, восемь сторон полумрака, шестнадцать чёрно-белых окон... И если смысл «торчит» из слов во все стороны, то из кроссвордных строк смысл вырывается как лава из вулкана. Хорошенькая перспектива для читателя: не успел он прикоснуться к строке, а она уже обожгла его!.. Впрочем, и сам автор тоже постоянно рискует:

Поэт изрешечен навывлет.
В чём теплится душка-душа..

Во имя чего Василий Пригодич проделывает такие опасные эксперименты? Стоит ли овчинка выделки? Наверное, стоит, если:

Стих — взбунтовавшаяся медь,
Перекипающая в тигле...
Сквозь копоть колкого стекла
Глядят на диво смерть и слава....

Конец XX века — ужасное время для поэтических поисков и стихотворного строительства. Всё, что ни напишешь, уже было. Сотни подражателей и тысячи эпигонов наступают на пятки классикам. Василий Пригодич не участвует в этой игре. В своей алхимической лаборатории он смешивает поэтические строки, написанные Державиным и Пастернаком, Блоком и Мандельштамом. И ещё десятком известных поэтов. Для того, чтобы выяснить, «что есть поэзии сакральное зерно».

Кто знает, сколько строк (чужих и своих) надо смешать, сколько кроссвордов надо составить, чтобы получились просто стихи. Обыкновенные, но живые:

...Беснуется дождь. Осыпается куст.
Приладожской осени свист.
Я чую оси мироздания хруст,
И строфы ложатся на лист.

Автор может и не знать рецепта. Он творит по вдохновению. Но пришелец земли наверняка знает. Он их и оценит.

СМЕНА, 1995, № 265 (16 ноября) с. 6

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Д. А.

ИНАЧЕ — НИЧТО

...Воспринимать такие стихи трудно и страшно. Для этого необходимо мужество: «Ведь может метастаз стихотворенья // Разъесть навывлет детские умы». Для этого необходима «взрослость» — взрослость современника, который хочет, способен, имеет мужество осознавать себя в мире, не оправдавшем оптимистические посулы европейского гуманизма. Приготовьтесь к восприятию отражения в поэзии мук и конвульсий сегодняшней цивилизации, катаклизмов и неврозов современного общества.

Сквозная и ведущая тема поэтического творчества Василия Пригодича — тема Смерти и Воскрешения.

Это — тема «Смерти Бога», повлекшей за собой и смерть (самоубийство) Человека. «Отпадение» человека от Бога означает конец самого Человека, превращение «мира человека» — в «казарму, ночлежку, дурдом». Старый европейский гуманизм с его гипертрофированным человеческим «Я», с его детски-неосмотрительной иллюзией «историко-земного» рая ныне развенчан. Поэт не щадит гуманистические идеалы прошлого именно потому, что они обнаружили в XX веке свой утопически-агрессивный и тоталитарный дух, обернулись против Человека, почти неузнаваемо обезобразили его божественный лик. Вместо «земного рая» — надвигающаяся катастрофа, реальность Страшного Суда...

Но не угасает надежда на возвращение Бога, на воскрешение Человека. Поэт ждёт возвращения Бога после почти целого столетия забвения его Человеком: «Дорога, ведущая к храму, // Лишь Ветхий и Новый Завет».

На пути к Богу каждому предстоит нелегкий поединок «с самим собой». И все же: «Идём к Тебе, Христос, в крови и гное...» Как ни мучителен путь, но крепнет вера: над нами Бог, с нами Бог. Иначе — Ничто.

ПОСЛЕСЛОВИЕ // ВАСИЛИЙ ПРИГОДИЧ. Пришелец земли.
СПб., 1995. с. 123–124

СОДЕРЖАНИЕ

НАЧАЛЬНИК ТИШИНЫ

«Я мнил на жизненном застолье...»	6
АЛЕКСЕЮ ИВАНТЕРУ	7
«Моё ничтожество-высочество...»	9
«Снегирь, клюющий ягоды с куста...»	10
«Сочится водица в стропильный зазор...»	11
«Коль едешь под горку, печальной...»	13
«В сердце током бьёт магнето...»	15
«Главу короля приподняв за хохол...»	17
ИММАНУИЛ КАНТ	18
«Бессонница заплывает веки...»	20
«Оставив планерским старухам...»	22
«Петергофский парк-перформанс...»	24
«Башка трещит, и я не в духе...»	26
«Судьба — навозная хавронья...»	28
«Белых мушек круженье в венцовых пазах...»	30
«Я скоро умру натурально, как вошь...»	32
«Колдует над темой...»	34
«Погиб отец. Безбожно. Дико. Глупо...»	36
«Летних басен множество...»	38
КОМАРОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ	39
«Лысый педик скалит зубки...»	40
«Бля, как не впасть в истерику...»	42
«Я горько думал о тебе...»	44
«Россиянские игрушки...»	45
«А всё ж Россия не погибла...»	46
«Тревожно в мире. Запах гари...»	47
«Жизнь — тусовка и тщета...»	49
«Десять лет — ресниц смеженье Шивы...»	51
«Я торчу в избе-пенале...»	52
«С годами прошлое видней...»	54
«Витальной нити остов тонок...»	55
«Вздорной мамкой онемечен...»	56
«Построили зеки...»	57
«Боль становится терпимой...»	58
«Бог посеял в землю семена...»	59
«Чадит в клубах тумана...»	60
«Песенка, зашедшая...»	61

«Безумец, вор и скупердяй...»	63
«Я раздёрган расторгнут расторкан...»	65
«Гипертонической кровянокой налиты...»	69
«Нас неумело воскресили...»	70
«Смерди под скальпелем витийства...»	72
«Психозные тени...»	74
«Ночь осенняя тиха...»	76
«Развалившись нагло на попоне...»	77
НА РОЖДЕНИЕ СЫНА	
I «Не думал, что...»	78
II «рожденья таинство скоромно...»	78
«...И в обморочном зыбком помраченье...»	80
ГРИБОЕДОВ В МОСКВЕ	81
«Господи! Я не «Magister Ludi»..»	82
КОНСТАНТИНУ АЗАДОВСКОМУ	
I «Грязнили ватных мыслей ключья...»	84
II «Я умер для мира и саван надел...»	84
«Сей мир переперчен, но пресен..»	86
«Куклёнок, позёр, ходя-ходя...»	88
«Тень улыбки пробежала по губам..»	89
ЧУДАК—В СУДАК, КОБЕЛЬ—В КОКТЕБЕЛЬ, А ДУРАК—НА КАРА-ДАГ	
I. КОКТЕБЕЛЬ	91
II. СУДАК	91
III. КАРА-ДАГ	92
«Напьюсь в «сосиску», начудачу...»	94
«Плётка Волги. Ощипанный бор..»	95
«Зачем, естествоиспытатель...»	96
«Во всём мне хочется дойти...»	97
«Я довел себя до точки...»	98
«Национальный спорт: горелки..»	100
ПОЭТАМ ПРОКЛЯТЫМ	101
«Мне истина разверзлась в Слове...»	103
«Верю тысячекратно...»	104
«Как жулика влечёт за ворот...»	105
«Мне снилось: будто я... — еврей...»	107
«Милорд не скинуться ли нам по рублику...»	108
«Я отравлен и затравлен...»	109
«Я сумрачно схожу с ума...»	110
«У меня в деревне утро ...»	111

«Старый барин на печи...»	112
«В Петергофе светит солнце...»	113
«На цивиливной кухне возле бака...»	114
«Друзей старинных страшно хоронить...»	116
«Я вернулся из колхоза...»	118
«Я спал. Проснулся, вздрогнув вдруг...»	120
«Опять над литою строкою...»	121
«И вновь родные пустопясы...»	122
«Трухлявых венцов сладковатая прелость...»	123
«За что Господь меня сподобил...»	124
«Камо грядеши народ мой камо грядеши...»	125
«Не бормотушник, самогонщик...»	126
«Рютбеф ростбиф — на крайний случай шницель...»	128
«Прогорклой взрослостью подступит седина...»	129
«Сегодня встали мы с тобой...»	130
«Прав собачьих яростный поборник...»	131
«Мы — перед тем, как онеметь...»	132
«Над заштопанным прошлым...»	133
«Кудель косматую годов...»	134
«О, христотерпец, выговский вещун...»	135
«В хрущёвско-блочную беседку...»	136
«Соседка гремела в тазы...»	137
«В суете и кутерьме...»	139
«Был вечер *****... Телевизор...»	141
«Плодящаяся деревенщина...»	143
«Как-то зябко мне, душно и плохо...»	144
«Из всех вероятностных множеств...»	145
«Ветер свищет, рыщет, вертит...»	146
«Как мышь, залезу в перепревший стог...»	148
«Вас распустили по указу...»	150
«Прожив неполную неделю...»	151
ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО К НИНЕ ПЕТРОВСКОЙ	152
«Мой путь не извилист, но кляузен...»	153
«Во сне свинцовой яростью метнутся...»	154
«Скрипят миры под властью Божества...»	155
«Русь. Захолонувшая равнина...»	157
«Божественен и вечен Дух...»	159
«По залетейским пастбищам Европы...»	160
«Художник полубог мальчишка златокудрый...»	161
«Изранен, зол и непокоен...»	162

ДВАДЦАТЬ ДВА ПОСЛАНИЯ

I. «Возликовала духа плоть...»	164
II. «Сними мишурное обличье...»	164
III. «Щеголеватый поползень, артист...»	165
IV. «Глухонемой меж кукол хора...»	166
V. «Скандинавист, фразёр, кирюха...»	167
VI. «В кого ударит гром копьём...»	168
VII. «Забавен рифменный нарядец...»	169
VIII. «Ты Логос сочел и Эрос...»	170
IX. «Есть в тайном творчестве опасный привкус тленья...»	171
X. «Оплёван я и завербован...»	171
XI. «Не обижаясь на смешки...»	172
XII. «Что есть поэзии сакральное зерно...»	173
XIII. «Короновался свежий русский Дарий...»	174
XIV. «Читал «Деревню»... Жил в деревне...»	175
XV. «Поёт военная труба...»	176
XVI. «Кинжала трупную победность...»	177
XVII. «Одарён чужой судьбой немало...»	178
XVIII. «Со страстью пьяницы в запое...»	180
XIX. «Хвостатый брат, кошачий гений...»	181
XX. «Спешу в деревню, как семиты в Мекку...»	182
XXI. «Жизнь — крушенье. Песнь — свершенье...»	183
XXII. «Поэзия — глупая драка...»	184

НАД ПРОЖИТЫМ И ЗАБЫТЫМ

1. «Соломенный плащ обезьяны...»	186
2. «Я — неплохой версификатор...»	187
3. «Мне, эстету и острожнику...»	188
4. «...Из идеала — одеяла...»	189
5. «Умерших братьев зыбкий рой...»	190
6. «Я нездоров — прокол, простой...»	190
7. «Клацнет камеры задвижка...»	191
8. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ	192
9. «Трещала ярая зима...»	193
10. СЕНЕКА	195
11. МЕДИТАЦИЯ	196
12. МОЯ КАЗНЬ	
I. «Настанет день предтеча судных дней...»	196
II. «Боюсь я или не боюсь...»	197

13. «Скатилась ночь как клякса...»	198
14. I. «Как славно быть сумасшедшим...»	199
II. «Когда в бессонничную рань...»	200
15. «"....."... Как Бухарин,...»	200
16. «Прощайте год! Привет вам из Коломны...»	201
17. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ	202
18. «Я шёл по улице Подольской...»	203
19. «Кому дарован дар витийства...»	204
20. НА ПОЛЯХ СТАТЬИ	
I. «Лавр благовонный осенил чело...»	205
II. «И ты пройдя рядами острых пик...»	205
21. ЕЙ	
I. «Как Бог небрежными штрихами...»	205
II. «Спи Психея недотрога...»	206

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ВИКТОР КРИВУЛИН. «Маска и лицо»	207
2. ОЛЬГА МАЛЫШКИНА «Я вырываюсь из плененья»	212
3. ВИКТОР КРИВУЛИН «Келья, книга и вселенная» (фрагмент)	214
4. Н. ГОЛЬ И Г. ГРИГОРЬЕВ «Поэтерий. «Гамбургский счёт»	215
5. МИХАИЛ КУЗЬМИН «Поверх барьеров, стран и вкусов...»	216
6. Д. Л. «Иначе — ничто»	218

Литературно-художественное издание

Василий Пригодич

НАЧАЛЬНИК ТИШИНЫ

Стихи

Формат 60 x 84/16 Бумага офсетная.
Гарнитура «Mysl». Печать офсетная.
Заказ №000 Тираж 1000 экз.

Редактор А. Ларионов
Художник М. Волохонская
Компьютерная вёрстка — А. Ларионов

Василий Пригодич.

НАЧАЛЬНИК ТИШИНЫ: Стихи – ПОЭЗИЯ.РУ. Москва, 2004. – 224 с.

Электронный вывод и печать
в ППП «Типография «НАУКА»
121099, Москва, Шубинский пер., 6